

Беседы с избирателями

Содержание данной брошюры составляют ответы на вопросы, заданные Е.Т. Гайдару во время встреч в поездках по стране. Из этих встреч и бесед стало ясно, что будь то на севере или юге России, на западе или востоке, вопросы волнуют людей всюду одни и те же. Возникла идея систематизировать ответы и предложить ознакомиться с ними всем избирателям, которые хотят разобраться в сложившейся ситуации в стране, которых волнует будущее России.

Моя политическая карьера началась очень просто – утром 19 августа меня разбудила жена, сказав, что у нас переворот. Горбачев арестован. С этого момента, совершенно неожиданно для себя, я, академический человек, доктор экономических наук, директор Института экономической политики АН и АНХ СССР, сознательно ни в какую политику не лезший, был в нее втянут, потому что надо было принимать решение, не допустить, чтобы власть взяли опасные авантюристы.

В нашем молодом институте был лозунг: «Мы политикой не занимаемся, мы ее изучаем». Хотя время от времени к нам обращались за советом и союзные, и российские власти, мы слишком хорошо видели, что в 1990–1991 годах им совсем не до экономики. А писать впустую программы, которые никто не собирался всерьез реализовывать, не хотелось. Но 19 августа стало ясно: пришло время, когда попытка отсидеться в стороне просто недостойна уважающих себя людей. Проведя короткое последнее собрание партийной организации, мы приняли решение о ее расформировании в связи с выходом из партии всех ее членов и отправились к Белому дому.

Только спустя много времени я понял: придя в политику, взяв на себя ответственность за страну, потом очень трудно от этой ответственности освободиться. Борьба за реализацию тех целей, которые поставил, солидарность с соратниками диктуют свою жесткую логику поступков.

Реформы экономики, модели реформ

В 1991 году старая система не могла работать без устойчивого политического контроля за всей территорией страны, без достаточно целостной иерархии. И перед нами в условиях максимально острого кризиса стояла задача выработки программы

реформирования российской экономики, экономики других государств, где социалистическая система хозяйствования развалилась. Проблема эта в научном отношении не тривиальная, потому что соответствующего опыта работы в подобного рода ситуациях не было. Этот вопрос стал предметом научных дискуссий специалистов, в рамках которых можно было приводить как аргументы за ту или другую модель, так и аргументы против. Но окончательный ответ могла дать только практика. Мы, допустим, считали, что после социализма все равно будут работать некие стандартные зависимости между денежной массой, процентной ставкой, нормой сбережения, валютным курсом, долей краткосрочных кредитов и т. д. А наши оппоненты, скажем, могли считать, что экономика настолько структурно деформирована, что все эти зависимости работать не будут, а будут работать совсем другие, нам неизвестные.

За три с лишним года бывшие социалистические страны прошли тяжелый путь, перепробовали разные модели. Сейчас накоплен огромный статистический материал. И часть дискутируемых ранее теоретических вопросов оказалась решенной эмпирически. Известный английский экономист Р. Лейерд выпустил недавно учебник для университетов «Макроэкономика», в котором весь иллюстративный материал статистически подобран на опыте России. Таким образом, многие вопросы, которые еще три года назад были темой для сложной интеллектуальной дискуссии, ныне стали просто предметом изучения студентов соответствующих специальностей, т.к. ответы на них уже даны, даны историей, даны четко.

Нами, исходя из нашего понимания экономики, в 1991 году была предложена трехлетняя программа стабилизации российской экономики на базе рынка. Она предполагала три этапа. Первый этап, первый год – открытый рынок, ликвидация дефицита, ликвидация очередей, конвертируемая национальная валюта. Второй этап – остановка инфляции, стабильный валютный курс. Третий этап – начало экономического роста на основе частных сбережений, частных инвестиций. По этому пути попытались пойти мы, попытались идти еще несколько стран, живших раньше по той же модели, что и мы.

В России, как вы знаете, нам история отпустила вместо трех лет всего 11 месяцев для проведения той политики, которую мы выработали. В первый год нам действительно удалось ликвидировать дефицит, карточки, очереди, сделать валюту конвертируемой. Но после первого года политика сломалась, стала политикой колеблющейся, постоянно компромиссной. И, как следствие, не были решены задачи остановки инфляции, не были решены задачи стабилизации курса, все деньги пускали в

спекуляции на валютной бирже или обращали в торгово-закупочно-импортные; не пошли деньги в промышленность – и промышленность продолжала падать. Поэтому хотя сегодня в России действительно еще есть свободный рынок, конвертируемая валюта, отсутствует дефицит, но нет ни экономического роста, ни благосостояния, нестабильных цен.

Сегодня у нас за плечами опыт России более трех лет реформ, у нас есть также опыт свыше двух десятков стран, которые выходили из социализма. В них сменились десятки правительств. Они проводили разные экономические политики. Накоплены массивы данных: у кого какие результаты сопутствовали той или другой политике. Сегодня мы уже не строим гипотез, а знаем, что действует и что не действует, что с чем связано и какие результаты сопровождают каждое политическое решение. Опыт, и положительный, и иногда горький, позволяет нам сегодня увидеть, какие экономические политики привели к каким результатам. Условно можно выделить три группы стран.

В первой группе стран к рычагам управления призвали, как правило, молодых экономистов-рыночников, которые начали реализацию достаточно радикальных экономических преобразований, того, что получило неправильное название «шоковой терапии». В этих странах были быстро разморожены цены, быстро унифицирован валютный курс, быстро введена внутренняя конвертируемость национальной валюты, либерализована внешнеэкономическая деятельность, ликвидированы фонды и лимиты, начался процесс достаточно глубокой приватизации национальной экономики.

Во второй группе рычаги управления остались у опытных хозяйственников, как правило, красных директоров предшествующего периода. Здесь население запугивали ужасами шоковой терапии, вели политику постепенного, медленного вхождения в рынок, пытались долго сохранять контроль цен, очень много говорили о поддержке производства, выделяли дотации, субсидии, льготные кредиты, неоднократно пополняли оборотные средства, проводили зачеты взаимной задолженности, очень осторожно подходили к приватизации и практически не начинали ее вовсе, довольно долго сохраняли фонды и лимиты, долго не решались подойти к конвертируемости валюты.

Наконец, третья группа стран, где были начаты радикальные преобразования, но по комплексу причин они не получили достаточной политической поддержки, реформы замедлились. И эти страны оказались как бы зависшими между двумя полюсами – между радикальными реформаторами и так называемыми хозяйственниками.

Опыт показал, что там, где были созданы политические предпосылки, где курс не был изменен на протяжении короткого времени, получилось примерно одно и то же. Возьмем Эстонию. Первый год – полные прилавки, второй год – остановка инфляции, стабильная национальная валюта, третий год – начало экономического роста на основе частных сбережений, частных инвестиций. То же самое в Латвии, Чехии, Словакии, Польше.

Во второй группе стран, где пытались реализовать то, к чему сегодня каждый день призывают такие газеты, как «Правда», «Советская Россия», там к осени 1994 года, когда тупик такой политики был в значительной мере осознан национальными политическими элитами, характерными показателями экономики стали нарастающий экономический развал, быстро углубляющееся падение производства, средняя зарплата в несколько раз ниже скудной российской, полная зависимость экономической жизни от продолжения бесплатной поставки из России энергоносителей. Я имею в виду, Казахстан, Украину, Белоруссию, Узбекистан.

Опыт выявил и общие для всех закономерности. Например, что падение производства в первые два постсоциалистических года абсолютно задано и не зависит от проводимой экономической политики. И в первой, и во второй группе производство первые два года падает, и довольно резко. Это сказываются издержки социалистической экономики. А вот с третьего года ситуация радикально меняется. В первой группе стран наблюдается довольно динамичный экономический рост. Во второй – ускоряющееся падение производства. Маленькая ли это страна или большая, богатая или бедная ресурсами, входила ли она ранее в состав СССР или не входила – не это оказало влияние на конечный результат.

Наглядный пример – сопоставление Албании и Белоруссии. Албания являлась самой нищей страной Европы. Белоруссия была витриной Советского Союза. Если бы кто-то три-четыре года тому назад сказал, что средняя заработная плата в долларовом выражении в 1994 году в Албании будет в три раза выше, чем в Белоруссии, ему бы никто не поверил. И тем не менее, это так, потому что Албания все это время достаточно устойчиво шла по пути рыночных реформ, а Белоруссия колебалась, металась, сохраняла старую номенклатуру и в полной мере развалила свою экономику. Поэтому сегодня албанская экономика растет на 7% в год, а белорусская – падает на 26%.

Получается, что экономика растет везде, где к власти пришли жесткие монетаристы, не желавшие поддерживать производство. И она падает везде, где у

власти остались те, кто больше всего говорит о поддержке производства, о льготных условиях для предприятий.

Когда говорят, что Гайдар не осознает необходимости роста производства, а заикнулся на остановке инфляции, на остановке роста цен, финансовой стабилизации, то просто не понимают одной элементарной вещи, что в условиях рыночной экономики стабильные национальные деньги – это старт к экономическому росту. Если его вынешь, сколько угодно бензина наливаешь, сколько угодно нажимаешь на газ, все равно машина никуда не поедет.

В этой связи главная, принципиальная проблема сегодня – это не проблема выработки какой-то необычной новой экономической стратегии. Ясно, что надо делать сегодня в экономике, и ясно, как делать. Вопрос в том, удастся ли нам мобилизовать политическую волю, политическую поддержку для этого курса.

Сейчас уже мало кто помнит, что реформы в России были существенно заторможены после первого же полугодия. А в декабре 1992 года именно коалиция коммунистов и аграриев добилась своей стратегической победы – устранения правительства реформ, привела к власти наше нынешнее правительство. Тем самым она оборвала движение к рынку, экономическому росту, тем самым она парализовала любые возможности повышения благосостояния и роста заработной платы. И тем не менее, они как бы ни за что не отвечают, во всем у них демократы и реформаторы виноваты.

Патриотизм

Конечно, я патриот. Я убежден, что то, что мы делаем, нужно России. Я убежден, что у России нет другого пути в нормальное завтра. Я готов неустанно доказывать, что любые попытки увести Россию на другой путь приведут к тупику, к пропасти. Это подтверждено опытом мирового развития, это прослеживается на истории экономического развития самой России. Я абсолютно убежден, что те люди, которые хотят видеть Россию закрытой, закуклившейся, просто исполнены чувства национальной недостаточности, национальной ущемленности. Они не верят в потенциал русского народа, не верят, что русский народ может на равных конкурировать с другими народами мира, они думают, видимо, что он ущербный. Я так не думаю. Я думаю, что у нас прекрасный, очень талантливый народ. Я считаю, что русская культура абсолютно не нуждается в покровительственном, снисходительном к ней отношении. Я убежден, что она будет мировой культурой в XXI веке, как она была мировой культурой и в XIX, и в XX веке.

Отставка

В 1992 году, по моему глубокому убеждению, страшной проблемой России было двоевластие, потому что никто не мог сказать, а кто, собственно, что решает? Где кончается прерогатива правительства, где начинается прерогатива Верховного Совета, где кончается прерогатива Федерации, где начинается прерогатива регионов. И это было очень опасно, потому что из-за этого буквально каждый день я видел, как разваливается российская государственность. Когда даже милиция и прокуратура не ловят преступников, а занимаются политической борьбой друг с другом, потому что одна структура подчинена президенту, а другая – Верховному Совету.

В декабре 1992 года я ушел со своего поста именно потому, что мы пытались найти компромисс с оппозицией – Верховным Советом, позволяющий бесконфликтно, без крови разрешить этот кризис двоевластия. Тогда мы пошли на так называемое Конституционное соглашение. Президент поменял правительство, зато Верховный Совет, Съезд дали согласие на референдум по новой Конституции. Потом об этом согласии, естественно, «забыли».

Чеченский конфликт

Советский Союз реально уже в 1991 году развалился не на 15, а на 16 частей, потому что осенью 1991 года Чечня де-факто обрела самостоятельность. Один из регионов России фактически от нее откололся, и контроль федеральных органов над его территорией был полностью утрачен. Есть множество объяснений, почему именно Чечня, а не один из других 89 регионов России пошел тогда по такому пути. Связаны они и с трагической историей предшествующих депортаций чеченцев, и с национальными традициями, и со спецификой экономического положения республики, дававшей, казалось, ее лидерам надежду на то, что нефтедобыча и нефтеперерабатывающая промышленность послужат надежной основой самостоятельности.

Чечня – неотъемлемая часть России. В тот момент ни одно российское правительство не согласилось бы на признание ее независимости. Тогда перед нами стояла другая принципиальная проблема – какими методами добиваться интеграции Чечни обратно в российскую структуру? Как не допустить того, чтобы другие регионы России последовали ее примеру? Что необходимо сделать, чтобы начали преобладать интеграционные процессы на всей территории бывшего Советского Союза?

Были и в то время попытки решать эту проблему силой. К чему это привело? В начале ноября 1991 года был издан Указ о введении чрезвычайного положения на территории Чечни. Через несколько дней позорный провал этой авантюры обозначился в полной мере. Верховный Совет был вынужден отменить Указ о введении чрезвычайного положения. Я считал, что иллюзии относительно возможности силой удержать регионы в составе России после этой неудачной акции должны были исчезнуть.

Единственным способом сохранения целостности России было создание предпосылок для возвращения Чечни в конституционное поле нашей страны. Для этого, как и для развития интеграционных процессов на территории бывшего Советского Союза, необходимо было обеспечить работу рыночной экономики в России.

К началу 1994 года ситуация в Чечне выглядела плачевно. Экономика в развале. Нефтеперерабатывающий завод, на который столь понадеялись, работает на 15 процентов мощности, нефтяные месторождения в тяжелейшем состоянии, пенсии не выплачиваются, уровень жизни низкий. Стало ясно, что чеченская экономика не способна нормально функционировать вне российской экономики. В результате Чечня стала чем-то вроде пугала для других регионов, подумывающих об отделении от России.

Именно в это время явно обозначился кризис режима Джохара Дудаева. От него начали отходить ближайшие сподвижники, он стал терять контроль то над одним районом Чечни, то над другим. В Москву потянулась вереница эмиссаров от различных оппозиционных, полуоппозиционных и официальных кругов с предложением сесть за стол переговоров и наладить отношения с Россией. Было очевидно, что продолжения политики экономического и политического давления, в сочетании с конструктивными переговорами, может быть достаточно для того, чтобы спокойно, неторопливо, недраматично, но неуклонно добиться интеграции Чечни в российское конституционное поле. Этот вариант мы отстаивали, именно его я предлагал. Абсолютно убежден, что при наличии политической воли, элементарного умения его можно было реализовать.

Возможно, предельная слабость Д. Дудаева послужила провокацией. Раз он так слаб, то зачем переговоры? Давайте пошлем туда один воздушно-десантный полк и за два часа наведем порядок. Это будет гораздо более драматично, эффективно, даст сильные аргументы в пользу дееспособности российской государственности. На мой взгляд, корни принципиальной ошибки были именно в том, что вместо стратегии

экономического, политического давления, с одной стороны, и стимулов, связанных с интеграцией в российскую экономику, – с другой, была избрана заведомо проигрышная в национальных конфликтах стратегия силы. Если кто и выиграл от этого, то только Д. Дудаев. Из обанкротившегося политика, теряющего контроль над территорией, он в одночасье превратился в народного героя. Силы его возросли не на проценты, а на порядок.

Предвидя такой исход, мы все время пытались отговорить от этой авантюры. Мы сначала использовали все методы непубличного воздействия на власть. Когда же я понял, что речь идет о вводе войск, было созвано экстренное заседание Политсовета партии. Мы выступили с обращением к президенту, правительству с призывом не делать этого, надеясь убедить повернуть на путь здравого смысла. Нас не захотели услышать. На следующий день войска были введены. Я писал записки президенту. 16 декабря он предложил сесть за стол переговоров и почти сразу же предъявил новый ультиматум, предписывая Дудаеву явиться в Моздок для подписания документов о сдаче оружия.

Ясно, что сегодня нам выпутаться из создавшегося положения уже труднее. Ну зачем надо было развязывать войну против своего народа, да еще в такое тяжелое для страны время, когда большинство живет в нищете?

Знаете, не бывает бандформирований, с которыми надо воевать, вводя отечественную армию, проводя многомесячные ракетно-бомбовые удары, организуя танковые штурмы и т. д. А если это все-таки так, значит, речь идет о вооруженном народе, но все партизанские войны XX века показали, что есть только один надежный способ их выиграть – полностью уничтожить народ. Если мы не готовы – а я надеюсь, что не готовы, – идти по этому пути, то эта война может тянуться сколько угодно, она может тянуться десятилетиями. И все равно, раньше или позже, но придется садиться за стол переговоров.

Если заранее настраиваться на неудачу, то можно и не садиться за переговоры. Именно этим, судя по всему, руководствовались российские власти на протяжении последних месяцев.

На мой взгляд, худшей из возможных неудач является война, и в международной политике это исключительное средство, а тем более – в политике внутренней, когда речь идет о соотечественниках. Что может быть хуже гибели тысяч мирных граждан?

Да, бывает, что переговоры затягиваются надолго и к согласию удастся прийти не сразу. Иногда это может длиться годами и даже десятилетиями. Россия и Япония до сих пор не могли окончательно договориться об урегулировании оставленного нынешним

политикам в наследство вопроса о четырех Южно-Курильских островах. Можно было много раз сказать, что переговоры окончательно провалились. Но сегодня ни одному из ответственных политиков в России или Японии не придет в голову призывать к решению имеющихся разногласий силой. Последствия слишком очевидны. Именно потому, что не льется кровь, переговоры не прервались. Они будут продолжаться, будут трудными, может быть, займут многие годы. В ход будут идти аргументы экономического и политического давления на партнера, но надеюсь, что никогда не будут использованы ракетно-бомбовые удары. Позиция, занятая российским руководством в чеченском конфликте, когда призывы к переговорам и в декабре, и в январе оборачивались требованием безоговорочной капитуляции, могла иметь один результат – войну.

Наша фракция не готова признать независимость Чечни. Мы вообще считаем, что этот вопрос не должен быть сегодня стержневым на переговорах. Можно и нужно договариваться о прекращении огня, обмене пленными, помощи раненым, захоронении убитых, создании коридоров для гуманитарной помощи, о восстановлении продовольственного снабжения, о том, как создать предпосылки для нормализации обстановки, как избежать некоординированного движения вооруженных сил и открытия огня, как создать контрольные комиссии. Речь должна идти о шагах, позволяющих снизить уровень противостояния, о том, как с течением времени создать предпосылки для свободных и справедливых выборов в Чечне. Об этом можно и нужно разговаривать с теми, кто может прекратить кровопролитие. А значит – с Дудаевым и его людьми. Говорят, что с бандитами нельзя садиться за стол переговоров. Еще как можно!

Переговоры ведут даже с террористами, захватившими заложников. Израильские политики нашли в себе мужество и вышли на путь, еще очень тяжелый и ненадежный, но все-таки путь к миру.

Британские органы власти осознали необходимость сесть за стол переговоров с террористами из Ирландской республиканской армии, иначе нельзя было стабилизировать обстановку в Северной Ирландии.

На Дудаеве лежит огромная ответственность за ту беду, к которой он привел Чечню. Тем не менее именно с ним придется разговаривать, чтобы перестала литься кровь. Поскольку российские власти не признают Дудаева законным президентом Чечни, то и вопрос о статусе Чечни обсуждать с ним совершенно бессмысленно. Об этом можно и нужно будет вести переговоры после того, как в Чечне пройдут

свободные выборы и появятся легитимные органы власти. Убежден: лучше долгие и трудные переговоры, чем долгая и трудная война.

Сейчас идет активный поиск того, кто виноват. Было несколько кандидатов – О. Попцов, потому что он неправильно информирует, С. Ковалев, потому что неправильно борется за права человека, Е. Гайдар, потому что много говорит о Чечне.

Что сделал «Выбор России» для предотвращения сложившейся ситуации в Чечне?

Мы внесли в Думу три существенные законодательные инициативы, суть которых была в том, чтобы убрать любые легальные основания для продолжения чеченской войны.

Первая – поправки к Закону об обороне, которыми мы пытались прямо запретить использование Вооруженных Сил на территории России без введения военного и чрезвычайного положения.

Вторая – поправки к Закону о бюджете на первый квартал, где мы предлагали прямо запретить финансирование военных действий в Чечне без введения чрезвычайного положения.

И, наконец, третья – Закон о гласности. Закон, согласно которому военное командование обязано публиковать немедленно списки раненых и пропавших без вести.

Я, честно говоря, ожидал, что нам предстоит непростая борьба за первый и второй законы, знал, что их не поддержат жириновцы, есть угроза, что их не поддержат коммунисты и аграрии. Но был убежден, что уж третий-то закон – Закон о гласности – пройдет. И мне было удивительно, как коммунисты, ЛДПР и аграрии проголосовали против закона, который делает обязательной информацию для матерей о том, жив их сын или нет, ранен или пропал без вести... Я считаю абсолютно аморальной позицию голосовавших против принятия этого закона. Мы будем добиваться его принятия. И очень надеюсь, что избиратели в данном случае нам помогут.

Теперь о моей личной ответственности за ситуацию в Чечне. Вопросы передвижения Вооруженных Сил и распоряжения вооружением никогда не входили в сферу моей компетенции, в том числе в то время, когда оружие было передано Дудаеву. Это находилось в сфере компетенции двух президентов – Советского Союза и России, М. Горбачева и Б. Ельцина, двух министров обороны – Е. Шапошникова и П. Грачева, а также заместителей министра обороны, которые занимались этим вопросом. Я не имел никаких полномочий, прав, обязанностей и возможностей давать указания о том, что делать с вооружением. Правительство не имело никакого административного

отношения к этому достаточно закрытому вопросу, который никогда не выносился на Правительство и не обсуждался.

Должен заметить, что в России всегда было два правительства – правительство хозяйственно-экономическое и правительство военно-политическое. Так было при царе, так было при большевиках, так было при демократах. Военно-политическое возглавлял царь, генеральный секретарь, президент (он же главнокомандующий, по всем военным вопросам напрямую взаимодействует с министром обороны). Во главе правительства хозяйственно-экономического премьер. Премьер никогда в России не дает указания по перемещению войск, распоряжению оружием и т. д. К нему Министерство обороны входит лишь по нескольким вопросам, из которых главным является финансирование.

«Я не являюсь идейным противником применения государством силы. Убежден, иногда это бывает необходимо. Когда под прикрытием прошедших у Патриарха переговоров начался вооруженный мятеж с участием нацистов, штурм мэрии, рекой полилась кровь у «Останкино», был убежден: государство обязано применить минимально необходимую силу, чтобы в зародыше остановить гражданскую войну.

Если бы у меня были хоть какие-нибудь основания надеяться, что Дудаев и его гвардейцы от 12 выпущенных по президентскому дворцу болванок разбегутся, я по меньшей мере был бы готов обсуждать целесообразность применения силы для стабилизации положения в Чечне.

Теперь о корнях этой войны. Я уверен: вопрос о Чечне решили сами россияне, когда 12 декабря 1993 года отдавали свои голоса за людей, которые предлагали поход на юг. Вот вам поход на юг. Что хотели – то и получили. Я хорошо знаю, как принимались решения после подведения итогов этого голосования.

Я говорил, пытался убедить в этом Б.Н. Ельцина, что итоги выборов – это наглядное свидетельство того, что нельзя больше колебаться в реформах, что надо решительно и быстро идти вперед по пути преобразований. Только так можно реально дать понять россиянам, что в их интересах на следующих выборах голосовать за тех, кто предлагает путь преобразований, а не за тех, кто призывает бряцать оружием.

А другие советники говорили: да что вы! посмотрите, россиянам просто наплевать на эту демократию, на все эти права человека, им нужна более жесткая власть, им нужна более дерзкая политика, как можно больше демонстрации силы и т. д. Возобладание этой тенденции и привело к такому решению чеченского вопроса.

Реформа армии

Необходимость военной реформы, обусловленной изменившимися внутривнутриполитическими и экономическими условиями, изменившейся геополитической обстановкой в мире, резко усилилась в связи с наметившейся милитаризацией страны, многочисленными нарушениями основных прав человека на военной службе и ограниченными возможностями федерального бюджета по финансированию.

В Чечне перед армией были поставлены несвойственные ей задачи. Любая армия, тем более армия демократического государства, не создается для участия в гражданской войне, для ведения боевых действий на своей территории против своего народа. Это страшное испытание для любой армии. И наша не стала исключением.

Вместе с тем, эта операция выявила поразительную некомпетентность ряда представителей высшего военного руководства. Начиная с 1992 года мы неоднократно говорили о необходимости серьезной реформы в армии. Тот факт, что к ней так и не приступили, что после 1993 года даже разговоры на эту тему как бы «вышли из моды», породил сегодня глубокие стратегические проблемы обороноспособности и экономики России.

Армия, которую мы имели в Советском Союзе, могла существовать только в условиях тоталитарного политического контроля и командной экономики, когда общество было вынуждено половину своих ресурсов направлять на военные нужды.

Почти каждый второй рубль наших налогов в 1994 году уходил на финансирование только Вооруженных Сил, и это без милиции, без внутренних войск, без пограничников, без ФСК, без всяких других военизированных структур – только на содержание Министерства обороны. Но тем не менее, армия недофинансирована, Министерство обороны не расплачивается по военному заказу, не может выполнить обязательства по социальной защите военнослужащих. При этом армия продолжает требовать почти половину всех доходов, поступающих в федеральный бюджет. Эта огромная нагрузка тянет вниз российскую экономику, она не может подняться, а следовательно, все более и более тяжелым становится бремя военных расходов.

Задачи, которые предстоит решить в военной области, выходят за рамки реформы армии или простого строительства Вооруженных Сил.

Суть заключается в том, чтобы осуществить осмысленный переход от военной организации тоталитарного государства, ориентированного на военную конфронтацию с большинством развитых стран мира, и порядков на военной службе, попирающих достоинство личности военнослужащего, к военной организации правового демократического государства, обеспечивающего свою военную безопасность во

взаимодействии с мировым сообществом, и с военными порядками, гарантирующими соблюдение основных прав человека.

Военная реформа призвана решить следующие задачи:

создать систему государственно-политического контроля над военной сферой, соответствующей правовому государству;

привести в соответствие потребности военных ведомств с возможностями федерального бюджета;

создать профессиональную армию;

изменить порядки в войсках, нарушающие основные права человека, ограничить единоначалие рамками законов и морали;

выделить необходимую и перспективную часть военного производства и конвертировать избыточную часть производства. Адаптировать мобилизационную подготовку промышленности к рыночной экономике.

Построение армии, адекватной нашим нынешним задачам и возможностям, нашему демографическому потенциалу, становится не просто задачей Вооруженных Сил, а стратегической задачей развития России в целом. Абсолютно очевидно, что, если мы не сократим резко свою собственную армию, одновременно приведя количество генералов в соответствие с количеством призывников, перераспределив деньги на эффективное вооружение, на боевую подготовку, эта армия всегда будет давить нашу экономику, одновременно являясь источником серьезной опасности, т.к. будет недееспособна.

Если руководство страны справится с этой задачей, тогда есть шансы обеспечить рост экономического благосостояния и одновременно получить меньшую по объему, лишённую такого количества параллельных структур, но более боеспособную, социально защищённую армию. В этом суть той программы военной реформы, которую предлагает партия «Демократический выбор России».

Если мы не начнем военные реформы, никогда не будет денег на строительство жилья для военнослужащих. То, что Министерство обороны уходит от гражданского финансового контроля, приводит к тому, что большая часть денег идет не по назначению. За 1994 год примерно половина денег, направлявшихся на финансирование строительства жилья, была использована предельно неэффективно. Поэтому мы сейчас разработали и будем предлагать к принятию в Думе документ о порядке разработки военного бюджета.

Военно-промышленный комплекс сегодня переживает очень тяжелые проблемы в связи с резким сокращением оборонного заказа. Тем не менее ВПК выходит на

некоторые новые рынки, осваивая гражданское производство. Скажем, наиболее активно, на мой взгляд, идет конверсия в судостроительной промышленности, где бывшие военные заводы быстро переориентируются на выпуск гражданской продукции. И довольно успешно началась конверсия в авиационной промышленности, где военные заводы переходят на выпуск нового поколения гражданских самолетов.

Вы знаете, лет десять ЦК КПСС пытался заставить оборонный сектор начать выпуск оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности. И каждый раз находилась бездна объяснений, почему это сделать невозможно. Но как только резко сократилось производство вооружения, наши нефтяники оказались заваленными предложениями от наших военных машиностроителей, чтобы и то, и другое, и третье оборудование перестать закупать за границей, а начать делать у себя.

В целом я считаю, что потенциал возможностей конверсии оборонного комплекса очень велик, именно от реализации этих возможностей зависит потенциал России как технологической державы в конце этого века.

Интеграция

Развал СССР – серьезная трагедия для нашей страны. В марте 1991 года я голосовал за сохранение Союза. Я начал работать в правительстве в ноябре 1991 года. Я видел, что из себя представляет Союз после августовских событий. Не было никакого Союза. Была вывеска «Советский Союз», была вывеска «Российская государственность». На самом деле был полный беспорядок, анархия государства, законы которого не выполняются ни на одной из территорий. Советский Союз прекратил свое существование 19 августа 1991 года. Это была трагедия, она на совести лидеров ГКЧП и М. Горбачева.

Процесс распада Советского Союза на протяжении 1990–1991 годов начался с упадка армии, КПСС и КГБ, скреплявших его. Распад стал необратимым с принятием Резолюции о суверенитете Российской Федерации, за которую, кстати, голосовали все, включая коммунистов. Продолжился – подписанием Декларации о суверенитетах в автономиях и завершился, когда вместо подписания Союзного Договора мы получили 19 августа 1991 года – попытку ввести ЧП.

Именно тогда со всей остротой встала стратегическая проблема: как обеспечить единство России, как добиться того, чтобы Россия не пошла по пути Советского Союза, как переломить инерцию распада и создать базу для экономической интеграции.

В целом я очень позитивно отношусь к идеям экономической интеграции с бывшими республиками Советского Союза. Я глубоко убежден, что это в интересах

России и в интересах бывших республик. И больше того, я убежден, что если мы не развалим российскую экономику, а она будет идти по пути устойчивого развития, то такая экономика неизбежно породит мощный интеграционный процесс. Вспомним 1991 год, когда все республики думали о том, как бы отделиться друг от друга, чтобы построить свой собственный рынок. Сегодня же все прекрасно понимают, что доступ к российскому рынку – это привилегия. Я уверен, что тот путь к интеграции, который Европейское сообщество прошло за 40 лет, Россия может пройти за 3–4 года, но только в том случае, если мы не развалим наш собственный рынок.

Опыт последних пятидесяти лет окончательно подтвердил правоту Наполеона, сказавшего, что со штыками можно сделать многое, но на них нельзя сидеть. Все попытки урегулировать национальную проблему силой привели к полному провалу. Эффективная интеграционная работа всегда базировалась на прочной экономике, стабильной валюте, заинтересованности в общем деле. Ни одна попытка объединения Европы штыками и танками на протяжении последних двух веков не удавалась. Только общий рынок привел Европу к единству.

Региональная политика

В условиях России единственно приемлемой региональной политикой является политика реального федерализма. Пока мы имеем фактически унитарное государство, в рамках которого бюджет любого региона, находящегося за тысячу километров от Москвы, определяется на период в несколько месяцев путем переговоров между главой местной администрации и заместителем министра финансов России. Благосостояние регионов зависит не столько от разумности экономической политики, сколько от отношений в московских коридорах власти.

Федерализм предполагает переход к такой структуре отношений, где четко закреплены доходные источники федерального и региональных бюджетов, сферы ответственности и механизмы финансовой поддержки. Первые шаги в этом направлении были сделаны в конце 1993 и в начале 1994 года. К сожалению, многое по-прежнему осталось неразумным в схеме межрегиональной финансовой поддержки, которая была использована в 1994 году. Убежден, что только на путях согласования экономических интересов можно сохранить единство России. Попытки его укрепления с помощью военной силы заведомо бесперспективны. Надеюсь, что очень дорого доставшийся урок остановит российские органы власти от повторения подобных авантюр.

Национальный вопрос

Я со всей серьезностью отношусь к проблеме прав национальных меньшинств в республиках бывшего Советского Союза. В том числе и в тех, где у власти находятся бывшие коммунисты. Без всякого сомнения, необходимо направлять на решение этих проблем максимум усилий. Я рад, что наша дипломатия в последнее время в полный голос заявляет о существующих здесь противоречиях и расценивает это направление в своей деятельности как одно из главных. Убежден, что еще очень многое предстоит здесь сделать.

Однако язык ультиматумов в данном случае абсолютно неприемлем. Провокации, к которым нас иногда пытаются подтолкнуть, – это самое страшное, что сейчас можно сделать для людей, которые действительно оказались не по своей вине и не по своей воле в очень непростом положении.

Мы рассматриваем проблему реализации прав лиц, принадлежащих к этническим, культурным и религиозным меньшинствам, через призму воплощения в каждодневную политическую практику общего основополагающего для современных цивилизованных отношений принципа недискриминации. Мы эту проблему видим как часть работы по защите прав человека.

В Российской Федерации имеются два наиболее общих типа национальных меньшинств. Одни из них имеют свои национально-территориальные или же национально-государственные образования. Другие – не имеют. При этом надо учитывать, что некоторые национальные меньшинства составляют абсолютное меньшинство населения внутри собственной национальной административной единицы. В других случаях большая часть меньшинства живет за пределами соответствующего административного образования. Наконец, в целом ряде автономий внутри России русские представляют собой меньшинство населения. И к ним должны применяться те же самые правила, что и по отношению к любому национальному меньшинству.

Мы считаем наиболее адекватными для России два типа политики в отношении этнических, языковых, культурных и религиозных меньшинств.

Во-первых, плюрализм, то есть создание – как один из вариантов – специальной политической и (или) административной структуры или предоставление местной автономии в решении широкого круга вопросов тем районам, где компактно проживают группы меньшинств.

Во-вторых, интеграция, то есть объединение различных групп общества, и предоставление им путем специальных мер центральной и местной администрации возможности сохранить свои отличительные особенности.

Партия последовательно выступала и выступает за сохранение суверенитета, территориальной целостности и единства Российского государства.

В сфере межгосударственных отношений мы считаем, что было бы весьма опасно под предлогом защиты родственных групп, проживающих в соседних государствах, предпринимать действия, которые могли бы нанести ущерб единству и целостности той или иной сопредельной страны. Однако мы требуем, чтобы и в отношении русского меньшинства в странах нового зарубежья применялись нормы, разработанные и одобренные международным сообществом наций.

Я должен сказать, что я считаю аморальной и отвратительной политику, которая очень серьезные проблемы прав национальных меньшинств, прежде всего русских и русскоязычных, делает картой в своей мелкой и суетной игре. Говоря высокие слова, выбравшие подобную позицию, по существу, делают из русских как бы "пятую колонну", натравливают на них живущих рядом представителей других национальностей, превращают всех русскоязычных в заложников ради своих политических амбиций, ради сомнительной цели восстановления империи.

Доходы, инфляция

Я совершенно согласен, что разница между доходами богатых и бедных в России сегодня очень велика. Она велика, и она не совместима с социальной стабильностью. Задача сближения высокодоходных и низкодоходных групп населения – стратегически важная задача. И в общем понятно, как ее можно решать и как ее решать нельзя. Самая безумная попытка решения проблем дифференциации доходов – это попытка решать ее, печатая необеспеченные деньги. Потому что если чему-то опыт экономического развития и учит особенно жестко, так это тому, что инфляция всегда болезненнее всего бьет по бедным. Богатые всегда уходят от инфляции лучше бедных. Это общая закономерность. Поэтому если мы хотим (а мы хотим), чтобы эта грань начала сужаться, а не расти, мы должны в первую очередь остановить рост цен. Это стержень нашей программы. Тогда любые социальные программы начинают становиться реальными, если они базируются на реальных ресурсах, а не на бумажных, которые обесцениваются с каждым оборотом печатного станка.

Государство не имеет права, ссылаясь на рынок, делать вид, что цены растут как-то сами собой. И главная задача государства сегодня – это не смотреть на инфляцию

как на стихийное бедствие, а остановить рост цен. Могу вас заверить, что никаких загадок в том, как остановить рост цен, не существует. Когда три года назад рыночная экономика была в новинку в России, можно было спорить о том, как она отреагирует на те или иные управленческие воздействия. Сейчас любой студент 4-го курса (если он хорошо учится, разумеется) может довольно подробно рассказать, что нужно сделать, чтобы остановить рост цен. Для этого необходимо остановить печатный станок, и тогда через шесть месяцев рост цен затормозится.

Вот такая связь между денежной массой и ценами сегодня в России. Кстати говоря, когда мы осенью 1993 года, приняв на себя целый ряд тяжелых решений, начиная от ликвидации хлебных субсидий и кончая ликвидацией импортных субсидий, резко остановили печатный станок, то через полгода действительно рост цен резко затормозился. Другое дело, что потом политика правительства сменилась. В.С. Черномырдин, под давлением аграриев и коммунистов, включил в бюджет десять триллионов пустых, дутых доходов, потом эти деньги напечатал, через несколько месяцев эти деньги выплеснулись у нас на рынок, приведя к тому, что в декабре 1994 года рост цен превысил августовский в 4 раза.

Прожиточный минимум

Я считаю, социальная политика должна быть честной. Социальная политика – это в первую очередь бюджет, реальные деньги, которые вы выделяете. Наш главный аргумент против принятия закона о повышении минимальной заработной платы, который был выдвинут, очень простой: разработчики не показали ни одного расчета, за счет чего все это произойдет. Если таких расчетов нет, значит, это типичный классический случай обмана. У нас бывает, когда всем пообещают, а потом говорят, что нет денег. Я считаю, что политика должна быть правдивой. Надо поддерживать социальную сферу. И надо перераспределять деньги (это как бы наше программное требование) с поддержки неэффективных предприятий на поддержку необеспеченных людей.

Реформа социальной поддержки – один из самых больных вопросов, который требует безотлагательного решения: человек не должен чувствовать себя униженным. Но нынешняя система социальной помощи, к сожалению, не выполняет своей важнейшей задачи – заботы о действительно нуждающихся. Издевательский уровень минимальной заработной платы и минимальной пенсии является воплощением тупика нынешней системы социальной поддержки. Дело в том, что привязка системы окладов к минимальной заработной плате не содержит естественного инструмента помощи тем,

кто в первую очередь в ней нуждается. Нельзя сейчас повысить минимальную заработную плату, одновременно не повысив тем самым резко зарплату министров, президента, генералов, прокуроров и других самых высокооплачиваемых людей в государстве. В результате растет общая денежная масса – как следствие, растут цены. А разрыв покупательной способности у разных социальных слоев сохраняется. Социальная политика тут становится прямо контрпродуктивной. Не так уж много денег надо, чтобы помочь самым малообеспеченным. Но чтобы одновременно увеличивалась зарплата всем, даже не нуждающимся, – на это никаких денег не хватит. Самое обидное, что депутаты, министры, т.е. высокооплачиваемые, свои деньги получают вовремя, а вот медики, учителя, рабочие получают... задержку зарплаты.

Мы пытаемся провести в парламенте закон о прожиточном минимуме, который не поднимал бы уровень оплаты труда высокооплачиваемых одновременно с социальной защитой нуждающихся. Я за снятие также безадресных пособий, которые идут не только нуждающимся, а всем подряд, в том числе их заодно получают и люди со средними и высокими доходами.

На мой взгляд, необходимо введение законодательно закрепленного пособия малообеспеченным. И должна быть система этих пособий, потому что минимальная заработная плата отнюдь всех проблем не решает. Я знаю, что есть проблемы и в семьях, получающих зарплату намного выше минимальной. Но мы будем голосовать за принятие закона о прожиточном минимуме только в том случае, если он будет опираться на конкретные расчеты, если мы будем точно знать, откуда возьмутся обещанные деньги.

Вклады и сбережения

Уже для коммунистического руководства не было секретом, что сбережения населения разбазарены. Существовали совершенно секретные записки советского правительства в Политбюро ЦК КПСС, суть которых предельно проста: сбережения фиктивные, за ними ничего не стоит.

Когда-то за сбережениями стоял золотой запас – 1300 тонн золота. К концу 1991 года от этого золотого запаса осталась 1 /5 часть. Когда-то за сбережениями населения стояло 15 миллиардов долларов валютных резервов. К концу 1991 года от них не осталось ни цента.

Мы оказались в том же положении, в котором оказался министр финансов германского демократического правительства Л. Эрхард после второй мировой войны. Сбережения немцев обесценили Гитлер и нацисты, их поглотили бездонная бочка

гонки вооружений и ненасытная бюрократия, а г-ну Эрхарду пришлось за них отвечать. Так же и у нас. Сбережения российских граждан были обесценены коммунистами, которые тратили их на «холодную войну», афганскую авантюру, а отвечать за это пришлось нам. И М. Горбачев (я знаю это из записок) знал реальное положение. Именно поэтому боялся начать реформы. У нас не было другого выхода, кроме как прийти, открыть сейфы и показать, что там ничего не лежит. Все, что там было, промотали.

Можно ли восстановить эти сбережения? В общем, можно. Именно Л. Эрхард с течением времени восстановил сбережения немцев, которые Гитлер промотал. Но только для этого потребовалось сначала создать работающую немецкую экономику, стабильную валюту, заложить основы бурного экономического роста в Германии. Иногда опыт Л. Эрхарда ставят в пример как образец «социально ориентированной» политики реформ. Должен сказать, что западногерманская послевоенная реформа проводилась решительно, последовательно, но, увы, была и довольно болезненной. Но именно благодаря ей с конца пятидесятых годов населению действительно стали возвращать сбережения за счет доходов резко пополнившегося, начавшего опираться на мощную, растущую экономику немецкого бюджета.

Убежден, что это можно сделать и у нас. Но только за счет реальных доходов, а не за счет фиктивных операций и широких обещаний. Тот, кто обещает, что можно из воздуха взять деньги и отдать сбережения, которые на протяжении десяти лет разбазаривали три последних советских правительства, тот – заведомый проходимец.

То, что рубли перестали быть деньгами и превратились в бессмысленные фантики, было ясно уже задолго до начала реальных реформ. Достаточно вспомнить (хотя спасительное свойство человеческой памяти легко стирает из записей прошлого такие вещи) голые прилавки магазинов, многочасовые очереди за самым необходимым, всевозможные виды талонов, карточки покупателя, чтобы понять очевидный факт – запись в сберкнижке давно уже стала фиктивной. Обанкротившееся государство фактически выписывало нам фальшивые векселя. Люди, разуверившись в возможности купить товары, покорно несли свои трудовые рубли в Сбербанк, а оттуда их быстренько, под метелку, выгребали на финансирование дефицита государственного бюджета, а значит, на военные расходы, помощь зарубежным компартиям, безвозвратные кредиты «дружественным» регионам. Товаров от этого не прибавлялось, и люди вновь несли пустые деньги в Сбербанк. Круг замыкался.

Когда именно меня обвиняют в том, что сбережения «пропали», мне вспоминается популярный анекдот времен застоя. Известный деятель, спалив в топке

паровоза и уголь, и дрова, и даже мебель из вагонов, предлагает задернуть занавески и говорить «чух-чух», представляя себе, что поезд продолжает двигаться. Это и происходило. Мы лишь открыли занавески...

Ну, а если серьезно, надо, разумеется, пытаться как можно скорее и надежнее стабилизировать нашу национальную валюту. Только после этого можно будет предпринимать попытки хотя бы постепенно компенсировать пропавшие накопления. Ведь мы несли в Сбербанк не фиктивные, а вполне реальные, трудом заработанные рубли. И были уверены, что деньги эти лежат в надежном месте. Никто не интересовался нашим мнением, когда растранижировался золотой запас страны, когда разбазаривались валютные резервы, когда набирались нереальные и непосильные кредиты.

Я понимаю боль тех людей, у которых были отняты их сбережения. Я понимаю их вопросы, они многого не знали, от них многое скрывали. Звучали победные фанфары, нам всем внушали, какая у нас замечательная и богатая страна, как в ней хорошо живет народ, когда на самом деле мы с каждым годом нищали и все больше отставали от развитых стран. Но меня коробит, когда претензии предъявляет та самая политическая сила, которая разбазарила эти сбережения, которая промотала золотой и валютный резервы, которая беззастенчиво врала всем. А сегодня они встают в позу радетелей за народ и с видом невинных младенцев спрашивают: а где же сбережения населения? Что вы с ними сделали? Зачем вы развалили страну? Это, на мой взгляд, типичная форма мерзкой политической демагогии. Не мы это сделали, а те, кто до нас так «успешно» управлял страной. Нам лишь выпала горькая честь объявить правду.

Я считаю, что, распоряжаясь деньгами частных вкладчиков как своими собственными, коммунистические чиновники допустили страшную несправедливость, если не сказать больше. Я очень сочувствую тем, кто лишился своих трудовых сбережений вследствие бездумных и безответственных решений, принимавшихся в 80-х и начале 90-х годов. Надеюсь, что люди все-таки поймут, рано или поздно, кто же на самом деле их ограбил.

Когда станет возможной какая-либо компенсация? Это зависит от степени осмысленности экономической политики, которая будет проводиться в России. В послевоенной Германии, например, начали компенсировать потери лишь через десять лет. И это при вполне рациональной и довольно жесткой финансовой политике. Пока же в нашей ситуации любые индексации и компенсации будут мгновенно сведены на нет неизбежно сопровождающим их очередным витком роста цен.

Права акционеров

Абсолютно необходимы надежные гарантии прав акционеров, которые до сих пор зависят от произвола директоров. Мы давно внесли проект закона об акционерных обществах, защищающего права акционеров, но никак не можем провести его через Думу: почему-то наши оппоненты не посчитали его приоритетным. Также нами давно уже внесен проект закона о ценных бумагах, который позволил бы защитить миллионы россиян, ставших сегодня жертвами проходимцев из криминальных структур. В частности, там есть прямой запрет на операции с ценными бумагами на предъявителя, которые в основном были использованы всеми проходимцами. И до этого закона никак не доходила очередь. На мой взгляд, затяжка с подписанием этого важнейшего закона связана только с огромными деньгами, которые создатели «пирамид» потратили на то, чтобы он никогда не был принят. Кстати, ни фракция коммунистов, ни господа из ЛДПР не выражали ни малейшего энтузиазма по поводу того, чтобы запретить предъявительские акции. Очень рад, что нам все-таки удастся его провести.

Сейчас нами представлены в Думу законодательные инициативы по введению ответственности за ложное банкротство и за фиктивное банкротство, той ответственности, которая позволит сажать за решетку проходимцев.

Приватизация

Сегодня приватизацию обвиняют во многих грехах. Причем одно из самых частых обвинений состоит в том, что собственность отдали задешево. Напомню, что именно те политические силы, которые выступают с таким обвинением, включая фракцию коммунистов, весной 1992 года на заседании Верховного Совета добились радикального пересмотра программы приватизации, которую вносило правительство.

Именно большинство в Верховном Совете категорически запретило правительству и Госкомимуществу повышать цену приватизируемого имущества. Эти же люди внесли так называемый второй вариант приватизации, против которого правительство возражало. В рамках второго варианта приватизации трудовые коллективы и получили все те льготы, в которых сегодня приватизацию упрекают. Мы упорно, и в Верховном Совете, и в прессе, объясняли, к чему все это приведет. Увы, они тогда оказались сильнее.

И вот теперь, когда приватизация осуществляется по такому закону, против которого мы выступали, авторы злосчастных поправок упрекают в этом нас. Ну что ж, это свидетельствует об уровне их политической морали.

Говорят, что надо вести реформы не за счет народа. Красивые слова, которые легко вызывают симпатию к произносящему их. И все было бы замечательно, если бы был какой-нибудь другой счет. У нас же ведь никакого другого счета, кроме счета народа, нет. Это надо понять. И слова «не за счет народа» – это все дешевая демагогия. Нет доброго дяди с толстым кошельком. Это мы сами взяли у себя из одного кармана, переложили в другой. А дальше должна быть реакция: эффективно мы переложили или не эффективно. Если не эффективно, мы становимся только беднее. Моя позиция такова: надо перекладывать как можно меньше из одного кармана в другой.

Ваучер

Стоимость ваучера – чистая условность. На самом деле реальная стоимость его определяется только одним – спросом на имущество. Я хорошо знаю, что идеальной приватизации не бывает. Приватизация сама по своей природе является алогичной, иррациональной. Уважение к частной собственности не произрастает из ее репутации в мире, оно произрастает из длинной-длинной эволюции отношения к собственности, производству, ремеслу и т. д. Произрастает из столетнего уважения к ремеслу, из всего того «чернозема», который был начисто уничтожен у нас за последние 75 лет. И когда мы оказались перед ситуацией, что частная собственность может возродиться только из приватизации, было ясно, что задача очень тяжелая. И задача эта может быть решена только на основе социальной политики.

Программа приватизации была утверждена Верховным Советом, а основные ключевые моменты были сформулированы, как ни парадоксально это звучит, коммунистической партией, которая сегодня возмущается, что был принят не тот вариант приватизации. Мы горячо протестовали против принятия этого закона, пытались объяснить, к чему такая приватизация приведет, но... вынуждены были затем реализовывать именно его.

Частная собственность

Проблема гарантии частной собственности в условиях постсоциализма перестает быть частным делом частных лиц. Это становится проблемой, от которой жестко зависит, будет экономика расти или экономика будет падать. В России до сих пор еще существует тяжелейшая антиприватная традиция. Вся правовая структура была антиприватная. Вся логика работы правоохранительных органов была антиприватная. До сих пор российский прокурор не рассматривает частную собственность как нечто, заслуживающее защиты. И в этой связи нужны очень серьезная правовая реформа и

реформа всей системы государственных институтов, позволяющая обеспечить базу уважения к частной собственности.

Еще раз подчеркну. Опыт XX века четко и убедительно показал, как создать условия для устойчивого экономического роста. Все экономики, которые преуспели во второй половине XX века, в некотором смысле использовали одну и ту же модель роста – на основе частных сбережений, частных инвестиций. Суть ее – стабильная гарантия собственности, стабильная национальная валюта, вложения населения в собственную экономику, экономический рост; население богатеет, сберегает еще больше, еще больше вкладывает в свою экономику и богатеет еще быстрее. Собственно, такой путь прошли и Япония, и Германия, и Южная Корея – все, кто мало-мальски преуспел в экономическом росте.

И, в общем, ничто экономически не препятствует тому, чтобы Россия, вслед за Польшей, Эстонией и другими странами, встала на этот путь. Главная проблема – сумеем ли мы создать для этого политические предпосылки.

Частная собственность на землю

Частная собственность на землю – это не самоцель, это экономическая неизбежность при переходе к рыночному типу экономики. Тот, кто вкладывает в землю капитал, будет стремиться к ее рациональному использованию. Неспособный вести на ней эффективное хозяйство будет вынужден к отчуждению своего участка в пользу более рачительного производителя.

Нельзя сказать, что частная собственность на землю – безусловно положительная вещь. И с экономической, и с социальной точек зрения ей присущи определенные недостатки. Человечество уже осознает эти недостатки. Поэтому понятия абсолютной частной собственности на землю, при которой собственник не ограничен в своих полномочиях, уже нигде в мире не существует. Государство, как выразитель интересов всего общества, все больше и больше регулирует земельную собственность, все больше вводится экологических ограничений, государство планирует землепользование, контролирует сделки с землей и т. д. И тем не менее, земельный оборот везде сохраняется как неизбежный элемент рыночной экономики.

Земля приобретает цену на рынке, а это значит, что становится возможным заложить ее для получения производственного кредита. Земля приобретает стоимость, и в силу этого становится возможным реально оценивать эффективность всевозможных проектов. Может быть, мы бы не затопили при строительстве гигантских ГЭС такое количество ценных сельскохозяйственных угодий, если бы при рассмотрении

подобных проектов была бы учтена реальная, то есть рыночная, стоимость земли. При наличии цены земли отпадает надобность в надуманных, искусственных «нормативных ценах», к которым сегодня приходится прибегать при любых земельных трансакциях, что плодит произвол чиновников, искажает реальные экономические отношения при обмене земли и т. д.

Конечно, в развитых странах процесс становления земельного рынка складывался веками, а в переходных условиях нашей страны возникает много проблем. Чего боятся наши оппоненты прежде всего? Спекуляции землей, ее скупки гражданами других стран, выводом из оборота? Но давайте взглянем на реалии сегодняшнего дня без предвзятости. Любой, знакомый с проблемой, знает, в каких масштабах идет спекуляция землей и от лица государства, и специальными риэлтерскими фирмами, и просто предприятиями, имеющими землю в пользовании. Происходит это полулегально, без четкого законодательного регулирования. В теневой экономике это приобретает все более нежелательные черты. Так, земельная спекуляция в тех регионах, где для земельного оборота есть экономические корни, идет в хищнических формах, с нарушением целевого использования земли, без какого-либо контроля со стороны государства. И поэтому российскому обществу не удастся избежать ни одной из тех проблем, которых хотелось бы избежать в ходе приватизации земли, да еще при этом теряются возможные налоговые поступления от земельных сделок. Мы считаем, что нужны полноценная нормативная база и организационный механизм для осуществления цивилизованного земельного оборота в стране.

Бюджет 1995 года

Ситуация с бюджетом на 1995 год действительно очень сложная. Мне в нем отнюдь не все нравится, и не все в этом бюджете реалистично. Этот бюджет был разработан для условий мира. Он разрабатывался, когда никто не собирался начинать войну в Чечне. И сейчас, когда эта война началась, он становится еще менее реалистичным. Уже сегодня очевидно, что инфляция будет выше прогнозной, что расходы на Чечню огромные. И в этой связи ясно, что некоторые коррективы в бюджет придется вносить. Мы сами, кстати говоря, выступили инициаторами того, чтобы бюджет индексировался и расходы индексировались по результатам реального его выполнения, с учетом реальных поступлений в бюджет. В условиях тяжелой бюджетной ситуации, когда у нас огромное напряжение на валютном рынке, очень высокая инфляция, можно очень быстро, несколькими движениями развалить все то, что вообще еще осталось от рыночного механизма. Поэтому для меня бюджет сегодня

это все-таки какая-то точка опоры в борьбе против развала, за финансовую сдержанность.

Ассигнования

В 1994 году, когда проходил бюджет, мы добились некоторого увеличения ассигнований на культуру и на образование. Очень скромного, но добились. Мы считаем, что затраты на образование занижены и должны быть увеличены за счет сокращения ассигнований на поддержку Севером Юга, на дотации агропромышленному комплексу, содержание аппарата управления.

Неплатежи

Когда бюджет составлен нечестно, когда в него включены отсутствующие реальные доходы, которые не будут получены, это основа целой волны неплатежей, и в том числе невыплат заработной платы. Правительство заказывает продукцию, скажем, оборонную технику, оборонные заводы в свою очередь заказывают комплектующие. Для этих комплектующих заказывают металлы. Потом правительство говорит, извините, мы доходы не получили, поэтому расплатиться не можем. Это вызывает целую цепочку неплатежей. Надо составлять честный бюджет. Не надо в него записывать того, чего не будет.

Второй источник неплатежей – очень низкая финансовая ответственность перед собственным коллективом. Вы попробуйте в Англии, во Франции, Америке не заплатить собственному коллективу. Очень жесткие будут санкции. А у нас мягкие меры. Закон о банкротстве защищает только одного человека, директора, от необходимости платить, в том числе и всему коллективу. Надо ужесточить закон о банкротстве и добиваться того, чтобы этот закон выполнялся. Невыплата же заработной платы при наличии денег на депозитах, валютных счетах коммерческих предприятий – это одна из разновидностей неплатежей.

Третья причина – воровство. Неплатежами называют такую банальную штуку, как директорское воровство. Продукцию поставляют фиктивным коммерческим структурам, а они, видите ли, не платят. Точнее, платят, но не в карман предприятия. И здесь просто нужна эффективная борьба с мошенничеством.

Проблемы производства

Сегодня много уклонений от уплаты налогов. И тем не менее, факт остается фактом – производство резко упало. Если такое, скажем, произошло бы в Америке, в

Америке была бы революция. И пришли бы к власти коммунисты или фашисты. У нас революции не произошло. Не произошло ее ни в Польше, ни в Чехии, ни в Балтии, нигде. Почему?

Обвал производства, страшное падение. В Москве в конце 1991 года было 700 тыс. машин. А на 1 июля 1994 года стало два с лишним миллиона. Это что, 1 млн 300 тыс. машин одни жулики, что ли, завезли? Видеомагнитофон 4 года тому назад был редчайшей роскошью. Сегодня это достаточно распространенная вещь.

Бывает и падение производства в два раза. Бывает, что количество автомобилей резко увеличивается. Не бывает того и другого вместе. Что, собственно, произошло? В чем причина? А причина очень простая. Ее надо искать в том, что мы производили четыре года назад.

Мы жили в уникальной стране, которая готовилась воевать со всем миром. Это была основа нашей доктрины. Я с ней ознакомился, когда уже работал в правительстве. Она была ориентирована на то, что мы готовы были воевать с Америкой, Европой, Китаем, Японией. Поэтому мы делали не просто больше танков, чем их делали Америка и Китай, но и больше, чем их производили все страны мира, вместе взятые.

Куда шла сталь, которая выпускалась в Череповце? В оборонную отрасль. Металлы из Норильска? В оборонный сектор. Химическая отрасль работала на оборону. И естественно, что, когда мы резко сократили производство вооружения, у нас начался серьезный индустриальный кризис. Именно поэтому у нас производство в целом резко сократилось, а потребление отнюдь не настолько.

Но дело не только в военном секторе. Мы в целом производили колоссальное количество того, что не нужно. Был такой анекдот в старое время. Что это такое – жужжит, летает, в ухо не попадает? Ответ: советская летающая жужжалка для попадания в ухо. Вот у нас колоссальная часть экономики работала на производство летающих жужжалок для попадания в ухо. Делались вещи, которые ни за какие деньги не продашь. Скажем, была такая «замечательная» отрасль – водная мелиорация. Мы в нее на протяжении 20 лет вкладывали в два раза больше денег, чем в производство потребительских товаров. Но никогда не смогли показать хоть какого-нибудь положительного результата всей этой деятельности. (Отрицательные последствия были.)

Короче говоря, главная проблема у нас не в том, что мы перестали производить то, что не нужно. Главная проблема у нас в том, что нам остро нужны инвестиционные ресурсы, капитальные вложения для того, чтобы начать производство того, что нам

нужно, чтобы переориентировать нашу промышленность на выпуск того, что можно продать за деньги, на то, что нужно рынку – и нашему внутреннему, и мировому.

Для того чтобы появились эти инвестиции, необходимо несколько элементарных предпосылок. Первая предпосылка – это надежная гарантия частной собственности. Если не будет такой гарантии, то никогда деньги в производство не пойдут. Заниматься вложениями в производство без таких гарантий абсолютно невозможно. Сегодня такие гарантии – стержень законодательной работы нашей фракции. Мы для этого утвердили Гражданский кодекс. Для этого мы пытаемся утвердить закон о ценных бумагах, закон об акционерных обществах, закон о земле.

Второе, что для этого необходимо, – это резкое снижение инфляции. Инвестиции – это сбережения, превращенные во вложения в производство. Есть известные закономерности для работы этого механизма. Процентная ставка должна быть меньше 100%, а лучше, конечно, ниже 20%. Главная задача – снизить эту процентную ставку. Сделать это можно, снижая инфляцию. И должен быть предсказуемый валютный курс.

Налоги

Очень важная стратегическая задача – снижение налогового бремени. Без снижения налогового бремени трудно добиться инвестиций в производство. Но тут надо понимать одну фундаментальную вещь: налоги – это есть государственные расходы.

У нас все готовы поддержать повышение государственных расходов и все готовы поддержать снижение налогов. Когда речь идет о государственных расходах, то существует убеждение, что это платит какой-то дядя. Но государственные расходы это и есть наши с вами налоги. Наша фракция единственная политическая сила, которая всегда решительно выступала за снижение государственных расходов, т.е. за снижение общего налогового бремени – за счет снижения управленческих расходов, за счет военной реформы, за счет сокращения дотаций и субсидий и многих других направлений. Мы считаем, что это составляет абсолютно необходимую базу налоговой реформы, которая позволит поднимать производство.

Существует неоправданно большое количество малых налогов с предельно низкими налоговыми поступлениями. Кстати, большая часть этих налогов носит местный характер (есть регионы, в которых применяется 70–80 видов этих налогов). Беда с этими налогами в том, что, принося минимальные доходы в бюджет, они одновременно требуют очень серьезной бухгалтерской работы по расчету и создают широкие возможности для наложения разнообразных штрафов и санкций на

предприятия и предпринимателей. Многие из этих налогов не восполняют затраты тех средств, которых тратятся на их взимание. Мы предлагаем перечень, довольно узкий, тех налогов, которые могут быть использованы субъектами Федерации с тем, чтобы они не вводили налоги на все. Резкое ограничение круга применяемых налогов – жесткая необходимость сегодняшней жизни.

Следующее важнейшее направление налоговой работы – это борьба с налоговыми льготами. У нас высокие уровни налогов. Отсюда большое давление со стороны тех, кто желает, чтобы им предоставили налоговые льготы. Реально налоговые льготы сегодня – это налоговые льготы в основном богатым, большей частью занятым в сфере краткосрочных спекулятивных операций. Налоговые льготы сегодня – это то, что делает нашу налоговую систему предельно несправедливой. Налоговые льготы предоставляются – следовательно, поступлений в бюджет меньше. Значит, надо опять увеличивать налоговые ставки. Еще больше появляется тех, кто желает добиться налоговых льгот. Это очень опасная тенденция. Мы за справедливые, равномерные и более низкие налоги.

Следующая задача – регламентировать работу налоговой полиции и налоговой инспекции в соответствии с нормальной правовой практикой. Не секрет, что налоговая полиция и налоговая инспекция – при всем моем глубоком уважении к их работе – за последнее время стали как бы государственным рэкетом. Ведь они живут штрафами, и им вообще-то безразличны налоговые поступления. Это абсолютно иррационально с точки зрения государственной службы. Нельзя давать в руки чиновника возможность по собственному желанию ликвидировать любое предприятие, а именно это предусматривает нынешний механизм налогообложения.

Должна быть особая система налогообложения для малого и среднего бизнеса. Речь не идет о каких-то льготах для них – я категорический противник этого, иначе мы наплодим множество фиктивных малых предприятий. Речь идет о нормальной системе, в рамках которой они будут платить налоги наравне с другими, но которая будет предельно простой. Надо свести все виды налогов лишь к одному платежу – в процентах от дохода. На деле это уже будет огромным вкладом в становление среднего класса России.

Есть еще много вещей, которые могут и должны стать элементами налоговой реформы. Упомяну только одну – кодификацию налогового законодательства. Налоговые отношения должны быть регулируемы налоговым кодексом, а не бесконечным числом произвольно меняющихся налоговых инструкций.

Бегство капитала

Это действительно фундаментальная, очень серьезная проблема. В 1994 году вывезено за границу абсолютно легально 20 миллиардов долларов. Как это происходит? Идет поток долларов и марок в контейнерах, самолетами по разрешению и лицензиям Центрального банка, по заявкам коммерческих банков в Россию. А российские граждане эти доллары и марки покупают. В прошлом году российское население вложило в конвертируемую валюту примерно в три раза больше денег, чем в национальную банковскую систему. Почему это происходит и как с этим бороться? Почему этого нет, скажем, ни в Эстонии, ни в Латвии, ни в Польше и т. д.? Потому что там жесткие административные регулирования? Да ничего подобного. Там просто не печатают не обеспеченные деньги. Не портят национальную валюту.

Ведь что порождает бегство капитала? Инфляция (печатание денег) – один из самых простых жестких и эффективных налогов, это налог на держателей денег. Ровно на ту же сумму, на которую Центробанк или министр финансов напечатали денег, они обесценили ваши денежные активы. Немедленно поднимаются цены, и ваши деньги обесцениваются. Естественно, для того чтобы взимать такой налог, не нужно ни налоговой инспекции, ни налоговой полиции. Это самый простой налог в мире и одновременно самый разрушительный, потому что он подрывает веру в собственные национальные деньги. Если каждым оборотом печатного станка забирают у вас деньги из кармана, что вы делаете? Вы пытаетесь от этого налога уйти. Как уйти? Естественно, вы уходите в валюту тех стран, которые пустые деньги не печатают. В результате российское население становится крупным кредитором иностранного государства. Мы в 1994 году отдавали крупные дешевые кредиты Соединенным Штатам, Германии просто потому, что наше население даже на свои нищенские сбережения покупало хотя бы по пять долларов, а все это вместе аккумулирует огромные суммы, которые вкладывались в американскую или немецкую экономику. Люди, защищающие продолжение инфляционной политики, способствуют тому, чтобы наши сбережения уходили за рубеж.

Есть только два способа эффективной борьбы с бегством капитала. Либо для этого нужна жесткая монополия внешней торговли, но тогда, конечно, надо забыть конвертируемую валюту, все экспортные поступления национализировать и т. д. Либо это стабилизация собственной финансовой системы и прекращение порчи денег. Как только это сделано, бегство капитала прекращается. Наоборот, начинается обратный приток капитала в страну.

Аграрная реформа

На мой взгляд, главная причина нынешних проблем сельского хозяйства – это предпринимаемая в последнее время попытка избежать каких-либо реформ в сельском хозяйстве. Я напомним, что сельским хозяйством у нас уже с весны 1992 года руководил г-н А. Рудкой, а с конца 1992 – начала 1993 года руководство этой отраслью перешло в руки Аграрной партии, представители которой сегодня занимают посты вице-преьера по сельскому хозяйству и министра сельского хозяйства. Как ни странно, почему-то они все время отказываются от ответственности за происходящее.

Нормальная частная собственность на землю – абсолютно необходимая основа эффективного сельского хозяйства. Без нее никогда не будет перераспределения земли в пользу эффективного собственника, без нее никогда не будет сезонного кредитования, без нее всегда сельское хозяйство будет зависимым от государственных кредитов. Без введения частной собственности на землю сельское хозяйство всегда будет государственно управляемой отраслью. А практика показала, что государственно управляемая отрасль – путь к развалу. Нет ни одного успешного сельского хозяйства, управляемого государством.

Абсолютно необходимо реорганизовать колхозы и совхозы, вычленив из них структуры, которые выполняют сегодня муниципальные функции. У нас сегодня колхозы и совхозы это одновременно муниципальные предприятия, которые отвечают за дрова, газ, свет, теплоснабжение и т. д., и хозяйственные предприятия.

Реорганизовав колхозы и совхозы, мы сможем преобразовать их в более мелкие, компактные предприятия, где каждый видит результаты своего труда. Уже сегодня есть десятки тысяч фермеров, которые твердо встали на ноги, которые готовы сражаться за свою землю даже с оружием в руках. Конечно, фермеры сегодня переживают непростое время, потому что вся помощь сельскому хозяйству идет через структуру аграрной партии, которая, по моему глубокому убеждению, к фермерам относится, мягко говоря, негативно. А мы бы хотели, чтобы доля фермеров в любых формах финансовой поддержки сельского хозяйства была гарантирована.

Необходимо также изменение приоритетов в направлении средств, которые выделяются на поддержку села. Мы кучу денег вкладываем до сих пор в дотации на мясомолочную продукцию. Они не доходят ни до потребителя, ни до производителя. Все они оседают в переработке мясомолочной продукции. Там, как вы знаете, очень высокая зарплата в среднем по стране, там высокая рентабельность. Чем больше мы туда будем вкладывать, тем выше там будет заработная плата.

Почему же нельзя эти деньги, вместо того чтобы вкладывать их в эту монопольную отрасль, направить на маленькие инвестиции, помогающие малой переработке молока и мяса? Только так можно сократить разрыв между очень низкой закупочной ценой, по которой мы покупаем молоко и мясо у колхозов, и очень высокой, по которой мы покупаем эти продукты в городе. Кстати, в тех регионах, где пошли по этому пути, этот разрыв резко сократился и финансовое положение хозяйств уже намного лучше. Там возникли предпосылки стабилизации финансового положения колхозов и совхозов.

Не секрет, однако, что большая часть денег, выбиваемых на дотации селу, всегда уходила и до сих пор уходит на поддержку тех политических сил, которые этой дотации добивались. Но главная часть, конечно, идет дружеским коммерческим структурам, а в конце концов попадает на валютный рынок.

Беда в том, что те формы, по которым предполагается осуществление поддержки, – формы, заведомо гарантирующие полную бессмысленность выделения этих ресурсов.

Сейчас, когда реформа оказалась в руках аграрной партии и коммунистов, ее судьба в высшей степени незавидна. Аграрники, пришедшие в Министерство сельского хозяйства, надеются провести нормативный акт, который отнимает у крестьян право выхода из колхоза с землей, предоставленное им в 1992 году.

Абсолютно убежден, что нормальное развитие аграрного сектора в России неотделимо:

- а) от полноценной частной собственности на землю, естественно регулируемой;
- б) от создания системы залогового кредитования сельского хозяйства, связанного с этой частной собственностью;
- в) от создания полноценного рынка продуктов питания и снятия административных ограничений на работу этого рынка;
- г) от активного участия государства в развитии рыночной инфраструктуры сельского хозяйства, системы оптовой торговли, крестьянских банков и т. д. и т. д.

Помощь Запада

Переоценивать помощь Запада, разумеется, нельзя. Применительно к масштабам российской экономики потенциальные оценки притока иностранных инвестиций очень малы. Это иллюзия, что иностранный капитал прямо рвется в Россию, спит и видит, как бы сюда пробиться, стоит в очереди. Не надо думать, что иностранные инвестиции нас спасут. Но и не надо паниковать, что «нас купят».

Идея финансовой помощи была полностью реализована в ГДР. Запад на этом примере показал, что может «вытащить» небольшую страну. Но в Россию-то надо было бы Западу вкладывать примерно 500–600 миллиардов долларов, что находится просто за гранью здравого смысла. Такую сумму нам никто не даст. Но Запад мог бы немножко подтолкнуть, а дальше все зависит от нас самих.

К сожалению, мы упустили благоприятный момент финансовой стабилизации (первый и второй годы после либерализации цен). Тогда у нас были высокие налоговые поступления, еще не началось резкое снижение объемов производства в связи со структурной перестройкой. И задача обеспечения сбалансированности бюджета, торможения инфляции и потом перехода к финансированию дефицита за счет внутреннего рынка была вполне реализуема.

Что получилось у нас? Мы пропустили этот момент. Не смогли остановить инфляцию, когда это было возможно. Начала падать налоговая база. Возник разрыв между реально собираемыми налогами и тем, что надо потратить. Если компенсировать это упущение за счет эмиссионных источников, то не будет валюты, не будет внутренних источников накопления, не будет инвестиций, будет продолжаться падение производства. Этот разрыв надо временно закрыть. И здесь нам мог бы помочь долгосрочными льготными кредитами Запад. Но не следует уповать на то, что Запад залатает все наши дыры и решит все наши проблемы.

О преступности

Проблема преступности сейчас, по-моему, самая важная для большинства наших сограждан. Того, что это проблема в высшей степени реальная, я ни в коей мере не отрицаю. И рост преступности, конечно, страшный, но сегодня плюс ко всему на это накладываются изменения информационного мира. Ведь хорошая новость – не новость, поэтому сегодня о каждом произошедшем преступлении говорят все средства массовой информации. И надо также учитывать, что о массе существовавших и прежде проблем мы раньше, из-за отсутствия гласности, просто не знали. Разумеется, я не призываю бороться со средствами массовой информации, чтобы успокоить население. Это глупо. Необходимо наводить порядок. Нужна реформа уголовного законодательства, уголовно-процессуального законодательства. Мы внесли поправки в Уголовный кодекс, мы внесли определение организованной преступности, повысили меру ответственности за организованную преступность, за терроризм, за похищение людей, за хищения частной собственности. Мы работаем над новым Уголовным кодексом, который должен будет соответствовать новым реальностям.

Но в первую очередь надо бороться с источниками преступности, а не с ее следствиями. Например, организованная преступность всегда тесно связана с коррупцией. Коррупция возникает всегда и везде, если у чиновников излишние права, если излишнее количество чиновников. Там, где делят нефтяные квоты, там всегда будет коррупция, а вокруг нее организованная преступность. Возможность дать или не дать лицензию тоже порождает коррупцию и преступность. Там, где ведают льготами и индивидуальными привилегиями, там всегда будет коррупция и организованная преступность. Поэтому первейшая задача – ликвидировать ситуации, дающие возможность злоупотребления властью, чтобы не провоцировать коррупцию, и последовательно бороться с льготами и привилегиями.

Нужен и новый закон о прокуратуре. Мы убеждены, что прокуратура сегодня должна быть освобождена от многих не свойственных ей функций, чтобы иметь возможность полностью и целиком сосредоточиться именно на своей важнейшей задаче – борьбе с преступностью. Проект такого закона внесен нашей фракцией в Государственную Думу.

Экология

Меня очень волнуют вопросы экологии. Мы с В. Ярошенко и О. Попцовым в свое время были первыми сопредседателями Российского зеленого движения. Я знаю, в какой степени (и хорошо знаю, профессионально) наша индустриальная структура одновременно была структурой хищнического разрушения природы, окружающей среды. И как хорошо, что мы сегодня не проводим очень многих видов хозяйственной деятельности, по которым стонут коммунисты и аграрники, но которые были страшно разрушительными. На самом деле база экологической разумной политики создана именно сейчас, именно сейчас мы можем закрывать мартены, выводить устаревшие мощности электроэнергетики. Именно сегодня у нас прекращена массивная и страшно вредная водная мелиорация.

Я считаю, что правительство, в общем, что-то делает, но достаточно пассивно. А нужна реальная и действенная экологическая политика.

Церковь и политика

Мы считаем безнравственной, а иногда даже и кощунственной сложившуюся в последнее время практику суеты политических лидеров вокруг Церкви. По-моему, это оскорбление чувств верующих, когда в погоне за голосами избирателей политики

начинают демонстрировать свой подчеркнутый интерес к религии, прилюдно неумело крестятся, сюсюкают вокруг этого.

Мы поддерживаем полезные контакты с иерархами Церкви. Среди клира и мирян немало наших сторонников. В напряженном ритме нашей бурной политической жизни мы всегда чувствовали моральную поддержку со стороны видных представителей Церкви.

Однако мы убеждены, что Церковь должна находиться вне политики и выше политики. Мы с огромным уважением относимся к Русской Православной Церкви, считаем ее важнейшим инструментом российской общественной жизни, неотъемлемой частью нашей культуры. И именно поэтому я всегда был и буду против вовлечения Церкви в текущие перипетии современной политической жизни.

Правительство

Экономическая программа, которую сегодня реализует правительство, имеет серьезные шансы на успех. Инфляция идет вниз и будет идти дальше, если правительство не откажется от пройденного курса и не начнет делать опасные глупости. Есть серьезные шансы на то, что во втором полугодии 1995 года мы будем иметь устойчиво низкую инфляцию, будем иметь предсказуемую динамику валютного курса, а с 1996 года, особенно со второй его половины, можно ожидать не только стабилизации экономики России, но и начала роста производства.

Жаль только, что все это не произошло в 1994 году, когда это могло произойти, что наша страна заплатила за экономическое образование главы нынешнего правительства дороже, чем кто бы то ни было и когда бы то ни было платил за экономическое образование. И тем не менее, лучше поздно, чем никогда. И только потому, что мы считаем, что эта политика при всех ее серьезных издержках имеет шансы на успех, мы поддержали бюджет, представленный правительством на этот год. Мы поддерживали его экономический курс и голосовали против вотума недоверия правительству. Это стоило нам, наверное, каких-то политических дивидендов, упущенных выгод, но я убежден, что это единственно достойная и разумная позиция.

Именно поэтому мы считали возможным, несмотря на разногласия по принципиальнейшим вопросам, участие наших единомышленников в работе правительства и считаем это возможным по-прежнему.

Мы убеждены, что успех экономической политики правительства – это важнейшая предпосылка возможности остановить экстремистов от их прорыва к власти на следующих парламентских и президентских выборах.

Чиновничий капитализм

Капиталистическая экономика в России стала реальностью. Но тот капитализм, который состоялся в России, отвратителен и ужасен. Он вороват и социально несправедлив. Мог ли он быть другим? При своей наследственности, при тех страшных родимых пятнах, которые оставил социализм, притом повороте, который произошел на рубеже 1992–1993 годов, я убежден, что он другим быть и не мог.

Но есть мощная социальная сила, которой нравится именно этот капитализм. Эта социальная сила – российское чиновничество. Тот капитализм, который возник, можно с полным правом назвать чиновничьим капитализмом. В нем уже разделены государственная и частная собственности. И они вместе с тем неразрывно слиты.

Отсутствие прозрачности механизма государственной власти дает возможность крупномасштабного разбазаривания государственных средств, открывает неограниченный потенциал перераспределения государственных средств в пользу дружественных частных компаний и фирм. Отсюда бурно разрастающийся чиновничий аппарат с его колоссальными возможностями давать льготы по выбору – тем или другим секторам экономики, частным фирмам и предприятиям. И отсюда же промедление в совершенно очевидных институциональных реформах.

Короче говоря, существующий вариант капитализма – это мечта чиновничества. Это самая благоприятная социальная среда для его существования и функционирования. И естественно, что есть, формируется и должна была сформироваться партия, которая защищает интересы именно этого выбора для России, – партия власти. Партия власти, которая на своих знаменах пишет одно слово: стабильность. Когда проходил съезд движения «Наш дом – Россия», один из выступающих очень откровенно сказал, что властвующие тоже хотят побороться за свою власть, за ее сохранение.

Блокирует ли такой капитализм возможности для экономического роста? Нет. Экономический рост и в рамках такого варианта развития возможен. Он будет, правда, не очень быстрым, результаты его будут далеки от социальной справедливости. И тем не менее (мы должны об этом честно сказать), он все равно открывает возможности для эффективного экономического развития. Но сама несправедливость распределения результатов этого роста, сама вороватость этого капитализма, конечно, дает блестящие аргументы, козырные карты тем, кто хочет набрать себе очки на антикапиталистической и радикально-националистической риторике. Именно уродливость чиновничьего капитализма играет на руку коммунистической партии.

Еще одна революция?

До сих пор мы говорили о силе, которая приветствует российский капитализм в его нынешнем виде. Рассмотрим теперь другую силу – силу, которая собирается его свергнуть, – коммунистическую партию России, якобы радеющую о благе народа. Конечно, не надо иллюзий, большая часть руководства нынешней компартии как села в своей юности в черные «Волги», так до сегодняшнего дня из них не вылезала, разве что кое-кто поменял их на «Мерседесы». Это люди, которые хотят использовать социальный протест, оправданное социальное недовольство людей происходящим, для того чтобы пробраться к власти и захватить в ней ключевые позиции. Еще активно поколение людей, которых довольно легко обмануть вновь мелькающими красными флагами и социалистическими идеалами, и на базе этого обмана они хотят прорваться к власти.

Хотят ли они построить социализм, хотят ли они восстановить вновь тоталитарный экономический, политический режим? Честно говоря, не думаю. Уж слишком тесно они связаны сегодня собственными коммерческими структурами, собственными коммерческими интересами. Нет, скорее всего, этого они не хотят. Но они хотят другого и тоже очень опасного. Если вы посмотрите основные программные документы коммунистов, там сквозит идея: «грабь награбленное». Там ключевые слова – «национализация несправедливо нажитой собственности». По всей видимости, придя к власти, они собираются национализировать «несправедливо» (на их взгляд) нажитую собственность, т.е. собственность, нажитую не связанными с ними коммерческими структурами, и передать ее в руки тем, кто «справедливо» нажил собственность, т.е., видимо, связанным с ними коммерческим структурам.

Но надо понять, что само насильственное перераспределение собственности – это всегда революция, социально-экономическая революция по своей природе. А революция – это кровь. Я знаю много людей, я ведь езжу много по регионам, разговаривал с десятками фермеров. Фермеры разные. Есть среди них те, кто поставил на кон себя, свои семьи, они в один голос говорят: нет, мы так просто свое не отдадим, мы будем стрелять при необходимости. Причем, очень много людей, которые без борьбы не отдадут то, во что они уже вложили труд и что у них придут отбирать как «несправедливо нажитое». Значит, будет кровь, будет хаос в отношениях собственности. Это будет страшный удар по экономике, социальной ситуации в России. Вот что следует видеть за программными лозунгами коммунистов – риск революции, риск гражданской войны. Это, пожалуй, самая страшная угроза, которая стоит сегодня перед

Россией. Вслед за этой кровью нам гарантирована блокировка любых возможностей экономического роста.

Мы – демократы

Мы заинтересованы в нормальной, цивилизованной эволюции нынешнего капитализма, в том, чтобы сделать его гораздо более честным, прозрачным, чтобы ввести уже существующие в мире антикоррупционные механизмы. Мы за то, чтобы государство служило обществу, а не общество было рабом государства. Мы выступаем за постепенный процесс приспособления капитализма к нуждам российских людей, к нормальной жизни, чтобы в этом капитализме было нормально и удобно жить. Мы – демократы. Мы не отказались от этого слова, сколь бы сегодня ни пытались сделать его бранным, ругательным и непопулярным.

Первая и главная задача для нас – остановить войну и предотвратить революцию. Это наша программа-минимум. И в решении программы-минимум мы, без всякого сомнения, должны и можем сотрудничать с партией власти.

В конце концов, я знаю одну выборную кампанию, которая велась под лозунгом: «Лучше вор, чем фашист!» И в общем, как это ни горько и ни печально, может быть, в этом есть истина. Поэтому еще раз подчеркну: мы не должны закрывать для себя возможности сотрудничества и коалиций в решении главной, стержневой, принципиальной задачи – предотвращения революции и войны в России. И вместе с тем я глубоко убежден, что наше братание с партией власти, отказ от своих стратегических позиций и разногласий были бы фатальной ошибкой для демократического движения. Ведь кто-то же должен нести знамя борьбы за нормальное демократическое цивилизованное общество. Не понимаю, почему мы должны от него отказываться.

Партия "ДВР"

«Демократический выбор России» – это молодая партия, но быстро формирующаяся, насчитывает уже 72 региональные организации. Это, пожалуй, сегодня все-таки самая структурированная демократическая организация России.

Мы знаем, что у нас больше сторонников среди городского населения, чем среди сельского, среди квалифицированных работников, чем среди неквалифицированных. Мы знаем, что у нас больше сторонников на севере, чем на юге. Но будем бороться за то, чтобы донести свою правду до всех россиян и расширить сферу нашей поддержки.

Довольно много российских предпринимателей поддерживают «Демократический выбор России». Есть два типа предпринимателей. Есть те, которые хотят вкладывать деньги в Россию, хотят здесь построить большое, серьезное дело. Для них предельно важно, чтобы это дело не было разрушено какими-то политическими авантюрами. Такие предприниматели нас поддерживают. Но есть и такие, которые хотят схватить, хапнуть и убежать. Им безразлично, что будет с Россией дальше. Типичный пример второго типа предпринимательства – это, конечно, С. Мавроди с его «МММ», который прошел в депутаты и получил свою неприкосновенность при поддержке В. Жириновского.

Выборы

Конечно, стержнем нашей работы сегодня является развернутая подготовка к выборам 1995 года. Именно парламентские, а затем президентские выборы – это главное испытание, которое мы должны пройти и которое очень важно для России. Некоторые говорят ну что парламентские выборы, подумаешь, эка невидаль парламент, что от него зависит, давайте ими всерьез не заниматься и сосредоточимся на президентских выборах.

По моему убеждению, это очень серьезная ошибка. На самом деле в колоссальной степени то, что случилось в 1994 году, было следствием нашего поражения на выборах 1993 года. И факт остается фактом: сегодня большинство в парламенте – это мощный блок коммунистов, националистов и т. д.

Если мы не сможем переломить эту ситуацию и получить приличные результаты на парламентских выборах, мы почти обречены на поражение на президентских. И тогда при президентской Конституции надо четко себе представлять, какими страшными последствиями все это может грозить России. Как мы все знаем, то, что у Г. Зюганова на уме, то у В. Жириновского на языке. И когда г-н Жириновский говорит: здорово, что создается партия «Демократический выбор России», мы будем знать, кого расстрелять и посадить в лагерь, – то он просто говорит вслух то, что другие думают.

«ДВР» формировалась одновременно как партия демократическая и партия как бы у власти. И к нам шли люди демократических убеждений, и к нам шли те, кому хотелось быть рядом с властью. И, конечно, сейчас к нам приходит больше людей, чем раньше, которые хотят быть демократами, но зато уходит какая-то часть тех, которые хотели быть близко к власти. Это, на мой взгляд, естественно и, по-моему, не так страшно, так как, скорее, повышает качество наших партийных рядов единомышленников, чем ослабляет.

Я должен сказать, что люди понимают напряженность ситуации. И я очень благодарен тем, кто не боится поддерживать те политические силы, которые связаны с российской демократией.

Наша партия заинтересована в том, чтобы выборы состоялись в срок, потому что это дало бы возможность правительству проводить последовательную политику и получить экономические результаты.

Надо признать, что предстоящие выборы (я имею в виду как парламентские, так и президентские) будут очень трудными, может быть, максимально рискованными для России. Вся тяжесть революции уже за плечами общества. Почти все возможные благоприятные результаты реформ еще впереди. Возможности для радикальной антикапиталистической пропаганды широчайшие.

Если нам удастся не проиграть на этих выборах и не отдать власть безответственным авантюристам, есть твердая надежда на то, что развитие России на базе рынка, начинающийся экономический рост, объективные возможности финансирования социальных программ навсегда закроют для этих сил путь к власти.

Ключевой для нас вопрос – вопрос явки на выборы, потому что наши избиратели, которые нас обычно поддерживают, – это те, которые, к сожалению, хуже всего ходят на выборы. К нам лучше всего относятся: молодежь, люди высококвалифицированного труда, городские жители. А активнее всего голосуют пожилые, малообразованные и проживающие в сельской местности. Поэтому наша задача – максимальная мобилизация людей на выборы.

Выходит журнал нашей партии «Открытая политика», выходит «Политический курьер «ДВР» с публикацией текущих материалов и программных документов по работе нашей партии. Мы готовим маленькие информационные бюллетени по работе фракций, которые рассылаем по нашим регионам. Пытаемся работать через существующие средства массовой информации. Мы имеем дело не с жуликами, поэтому у нас таких средств, как у г-на Жириновского, нет. К сожалению, мы в настоящий момент не можем позволить себе выпуск ежедневной газеты. Поэтому будем работать через существующие издания, наиболее нам близкие. Есть общедемократические газеты, мы будем там выступать. Поддерживаем тесную связь, например, с газетами «Дело», «Утро России», в которых публикуем материалы, связанные с деятельностью нашей партии. Будем пытаться проводить эту работу и в других средствах массовой информации.

Мы начали готовить набор пропагандистских материалов. С этой целью могут быть использованы наши журналы «Открытая политика», «Политический курьер

«ДВР». Начинаем печатать пропагандистские брошюры. Вышла моя книга «Государство и эволюция». Есть два фильма по поездкам: «Вопросы и ответы», есть аудиокассеты. Наши программные документы также могут быть использованы в агитационной работе.

Президент

Я не жалею о поддержке Б. Ельцина в 1993 году, так же как и о его поддержке в 1991, в 1992 годах. Вы знаете, российская демократия очень молодая и ее пришлось не один раз защищать. Я считаю, что выбор Б. Ельцина был правильным для России в августе 1991 года. Я думаю, что он был прав, когда все-таки не ушел от ответственности и в 1992 году дал возможность проводить реформы. В 1993 году он много раз пытался найти компромисс с Верховным Советом. Я ушел в отставку в декабре 1992 года из-за одного из таких компромиссов. И я видел, как большинство членов Верховного Совета категорически отказывались от таких компромиссов.

В 1993 году в сентябре–октябре у президента не было другого выхода, кроме как объявить выборы, вынести на референдум новую Конституцию и распустить съезд. Поэтому я не жалею о том, что поддержал его в 1993 году. Но – еще раз подчеркиваю – за демократию надо сражаться долго, и если мы были вместе в 1993 году, а сегодня он делает нечто опасное для демократии, естественно, я не могу это поддерживать.

Я очень огорчен тем, что он совершил страшную ошибку, начав эту чеченскую авантюру. Ошибку, о которой я пытался его предупредить. Он ни на кого не может переложить эту ответственность. Он может сказать, что его неправильно информировали, но он сам выбрал тех людей, которые его стали информировать. Что неправильно реализовывали его приказы, но он сам поставил тех людей, которые должны были реализовывать его приказы. Никто эту ответственность не может с него снять. Хотя это, по-моему, и не повод для злорадства.

Почему мы выступили против инициативы по немедленному импичменту президенту, досрочным выборам и т. д.? Потому что мы прекрасно представляем себе, насколько хрупкими сегодня являются все демократические механизмы власти; ты немножко их толкни, а потом с удивлением увидишь, чему на самом деле ты проложил дорогу. Я убежден, что если у нас есть шанс иметь выборы вообще, то это именно выборы в срок. И надо способствовать тому, чтобы они состоялись.

У меня есть и другие точки расхождения во взглядах с президентом. Я категорически не согласен с отсутствием политики военной реформы, попытками заменить ее призывом в армию студентов и удлинением срока службы. Я не согласен с

рядом других указов президента. Позиция «Выбора России» по отношению к президенту отнюдь не является позицией безусловной поддержки.

Я сожалею о том, что в результате страшной ошибки, допущенной началом военных действий в Чечне, у президента изменился баланс его поддержки. Сегодня наиболее решительными защитниками у него оказались русские фашисты и националисты.

Демократы и власть

Нас разделяет с нынешней партией власти целый ряд очень серьезных разногласий. Мы не принимаем то, как партия власти считает возможным распределять социальное бремя издержек и финансовой стабилизации.

Когда обсуждался бюджет на 1995 год, наша фракция наиболее энергично боролась за увеличение финансирования науки при сокращении расходов на дотации, субсидии, колоссальная часть из которых разворовывается.

По результатам первого квартала расходы субсидий, например, АПК профинансированы на 200 процентов, расходы на науку – на 73 процента. Я не могу понять этой логики. Я не могу понять логики, в соответствии с которой возникают мощнейшие, крупномасштабные льготы и преимущества для отдельных сфер и отраслей экономики просто потому, что они тесно связаны с властью.

Я не понимаю, например, почему у нас должны существовать составляющие десятки триллионов рублей необлагаемые фонды, такие, например, как фонд финансовой стабилизации «Газпрома», размеры которого примерно в 15 раз превышают все ассигнования из федерального бюджета на финансирование российской культуры.

Мы категорически не согласны с поразительным промедлением в осуществлении давно назревших антикоррупционных мероприятий. Хотя бы таких, как перевод финансирования Вооруженных Сил на казначейство, позволяющее обеспечить реальный финансовый контроль, или переход к тендерной системе распределения заказов на государственные закупки, которые, как показывает практика, могут на 30–40% сократить реальные расходы на соответствующие закупки. Есть много других направлений, решения по которым давно назрели и никак не реализуются. И мы не можем об этом молчать и не можем с этим соглашаться.

Мы не можем соглашаться с тем, что, как на дрожжах, бурно растет государственный аппарат, как в нем сохраняются крупномасштабные звенья, функциональное назначение которых в нынешних условиях мне, как бывшему главе

правительства, совершенно непонятно. И в то же время не формируются структуры, жизненно необходимые в условиях рынка. Когда у нас крупнейшие монополии регулируют себя сами, то это издевательство над рыночной экономикой.

Разумеется, мы не можем согласиться с полной остановкой реформы в аграрном секторе, с тем, что ее пытаются подменить крупномасштабными субсидиями, большая часть из которых никогда до крестьян и не доходит, оседает в коммерческих структурах. Сегодня реально сложилась ситуация, при которой аграрный кризис больше всего нужен именно тем, кто распределяет аграрные субсидии.

Складывается порочный круг: аграрный кризис, крик о гибели села, выбивание из бюджета крупномасштабных субсидий, направление этих субсидий в коммерческие структуры. Коммерческие структуры используют их, разумеется, не для того, чтобы расплачиваться с крестьянами, обкладывают их спекуляцией на валютном рынке и на рынке ГКО. Крестьяне не получают деньги за сданный урожай. Аграрный кризис углубляется. Новые крики об обнищании села, требования дополнительных ассигнований. Этот порочный круг сегодня предельно ясен, прозрачен. И мы категорически не можем согласиться с продолжением подобной политики.

Есть у нас и серьезные разногласия по проблемам военной реформы. Фактически ничего не делается для проведения военной реформы, не реализуются имеющиеся здесь совершенно очевидные возможности и резервы сокращения параллельных дублирующих структур, сокращения численности армии за счет ликвидации обслуживающих подразделений, ненужных в условиях рыночной экономики, и многое другое. А нынешнее правительство пытается разрешить все проблемы увеличением срока службы, по существу подгоняя численность военнослужащих под существующие военные структуры, вместо того чтобы их реформировать.

Это политика, с которой я, например, никогда не соглашался и сейчас не вижу оснований соглашаться.

И наконец, нас, разумеется, разделяет вопрос о трагических событиях в Чечне, о начатой там войне, которая обошлась россиянам уже в десятки тысяч жизней, создала кровоточащую рану на теле России и пагубные результаты которой с каждым днем становятся все более и более очевидными.

Этот вопрос для меня тоже не является второстепенным, на него нельзя закрыть глаза, форсируя создание тех или иных политических блоков и коалиций.

Таким образом, наша позиция, как мне кажется, должна быть и может быть и принципиальной, и прозрачно ясной. Да, в борьбе за программу-минимум, за то, чтобы остановить войну и революцию, мы, разумеется, готовы к любым политическим

союзам. Но в борьбе за цивилизованный российский капитализм, за демилитаризацию российского общества за создание предпосылок социально справедливого, устойчивого российского развития мы должны нести свое знамя и не должны никому его отдавать.

Возможно ли сотрудничество с властями на местах? Надо понимать, что сама власть в регионах очень разная. Есть власть, которая проводит разумную, ответственную политику. С ней нам легче сотрудничать. А есть власть, полностью коррумпированная и очень опасная. С ней будем бороться.

Дума

Наиболее мощный блок в Думе – это блок коммунистов, аграриев и ЛДПР. У них примерно 200 депутатов. Второй блок, менее мощный, – блок демократов, их примерно 130. Между ними есть «болото» – 120 депутатов. Таким образом, коммунистам, аграриям и националистам нужно перетянуть на свою сторону всего 26 депутатов, чтобы провести свои решения. Поэтому нам очень трудно дается проведение любого решения через Думу.

Если посмотреть на решения, принятые за последний год, то, как ни странно при такой Думе, там много разумных законов.

Разногласия

Разногласия московских демократических лидеров... Очень многое, на мой взгляд, зависит от нашей способности объединить демократические силы, создать достаточно широкую демократическую коалицию. Мы постоянно работаем над созданием такой широкой коалиции и делаем конкретные предложения по поводу того, как этого добиться, и не теряем надежды, что здравый смысл все-таки восторжествует.

Опыт показывает, что российские демократы более или менее удовлетворительно взаимодействуют только в условиях кризиса и предельной опасности. Сейчас мы находимся именно в такой ситуации. Люди понимают, как опасны попытки прорваться к власти тех, кто способен втянуть страну в рискованные авантюры как во внешней политике, так и в политике экономической.

Такое чрезвычайное событие, как война в собственной стране, естественно, изменяет политический ландшафт, формирует новые союзы и часто, к сожалению, разводит в разные стороны прежних единомышленников. Это элемент политической реальности, и с ним надо считаться.

С фракцией «ЯБЛоко» мы по многим принципиальным направлениям занимаем общие позиции, поддерживаем законопроекты друг друга. Жаль, что такое

взаимодействие не стало основой и для работы на предстоящих выборах. Да, у нас есть экономические разногласия. Они носят мировоззренческий характер. Я по своим убеждениям правоцентрист, если говорить в европейской терминологии. Моими друзьями являются в Англии консерваторы, в Германии ХДС/ХСС, партия умеренных в Швеции, республиканцы в США и т. д. Г. Явлинский – левоцентрист, он выступает за большее огосударствление экономики. Его партнеры, соответственно, партии более левой ориентации.

Г. Явлинский считает, что нужно более сильное государство, а следовательно, более высокий уровень налогов. Мы считаем, что нужны более низкие налоги и, соответственно, более скромное государство. У нас разногласия в том, что лучше: идти к более рыночной или к более дирижерской экономике.

Эти разногласия значимы, они стратегически немаловажны. Но я глубоко убежден, что они являются разногласиями завтрашнего-послезавтрашнего дня, сегодня они не имеют принципиального значения. Потому что на предстоящих нам ближайших выборах будут решаться вопросы, будет ли частная собственность в России, быть ли рынку в России, быть ли свободе слова, быть ли мирной внешней политике. А по этим вопросам у нас нет разногласий. Именно поэтому я до последнего был уверен – нам удастся договориться, выступить единой демократической коалицией. Тем более, что представители «ЯБЛока» неоднократно обращались ко мне, к моим коллегам по фракции с неформальными консультациями о том, можно ли будет добиться объединения демократических сил, если ценой за это объединение будет наше согласие выдвинуть Григория Алексеевича Явлинского объединенным кандидатом в президенты.

Так как я хорошо знаю притчу о соломоновом суде, то в споре о том, кому дороже всего российская демократия, я всегда был готов встать на позицию женщины, которая говорит: он твой. И был готов поддержать кандидатуру Г. Явлинского, если в результате мы получаем единство демократических сил, а наши избиратели понимают, что демократы готовы чем-то поступиться ради единства. Я убежден был, что это даст нам огромный эффект объективности, это создаст новую позитивную волну, ощущение понимания того, что абсолютно не неизбежным является триумф коммунистов и фашистов на следующих выборах.

К моему глубокому изумлению, когда мы уже согласились принять это предложение, Г. Явлинский на протяжении следующих двух дней забрал его обратно и начал подробно объяснять, почему единство «ЯБЛока» и «Демвыбора России» невозможно ни при каких условиях.

Сожалею, что руководство «ЯБЛока», поколебавшись, пометавшись, твердо встало на путь раскола демократических сил. Не сомневаюсь: российские коммунисты будут им за это горячо благодарны. Осенью 1993 года я говорил: дорогие друзья, будем вместе, иначе победят коммунисты и фашисты. И слышал в ответ: да вы что, какие коммунисты, какие фашисты, где вы их видели? Сегодня уже так сказать невозможно, все уже поняли: такая опасность реальна.

Именно сейчас, когда угроза демократии предельно жестка и реальна, главное, чего мы должны постараться избежать, это внутренних разборок в демократическом лагере. Мы должны избежать того, чтобы личные амбиции тех или других демократических лидеров послужили препятствием на пути к консолидированным, координированным, единым действиям.

Позиция раскола, на мой взгляд, безответственна и деструктивна. Это, разумеется, не облегчит нашу борьбу на следующих выборах. Это тяжелый удар в спину демократическим силам. Но, тем не менее, я убежден, что мы должны и в этих условиях нести свое знамя и не отказываться от него. Если союз с «ЯБЛоком» невозможен, значит, мы должны объявить о создании на базе существующих, имеющих региональные структуры демократических организаций нового избирательного объединения, нового избирательного блока и начать переговоры с теми из них, кто готов вместе с нами идти на следующие выборы.

Идти, разумеется, с общей принципиальной позицией, разделяя наши принципиальные программные установления, и, конечно, в первую очередь мы предполагаем начать консультации с теми организациями, которые действительно не являются московскими салонными, а которые имеют развитую региональную сеть, которые представляют серьезный организационный потенциал.

Ряд политиков, которых мы традиционно считали своими потенциальными союзниками, заняли позицию, объективно подрывающую стабильность рыночных механизмов и демократии в России, да и целостность России как таковой.

Не теряем надежду, что само развитие событий, очевидные всем последствия избранного силового курса все-таки заставят наших бывших единомышленников взглянуть правде в глаза и признать, что курс, который они поддерживают, ведет к тоталитаризму. Тогда и взаимодействие с ними, на мой взгляд, будет возможным.

Та позиция, которую мы заняли по отношению к чеченскому кризису, была принята не из соображений выгоды для предвыборной кампании, а на основании нашего видения пользы России. Убежден, что военное решение наносит непоправимый ущерб и благосостоянию россиян, и целостности нашей страны.

Каждая бомба, сброшенная на Грозный, – это бомба по целостности российской государственности. Как показывают проводимые опросы общественного мнения, подавляющее большинство россиян разделяют нашу позицию и не видят смысла и перспектив в военном решении.

Создание блока «Наш дом – Россия» не было для нас неожиданностью. «Выбор России» изначально был как бы блоком демократии и власти. После начала военной авантюры в Чечне мы, к сожалению, но естественно, вынуждены были довольно радикально разойтись. У власти возникла задача создания для себя политической опоры, каковой и призван служить блок В.С. Черномырдина. Повторяю: мы готовы и будем сотрудничать с этим правительственным блоком, но только в реализации тех программных установок, которые мы поддерживаем. Но мы будем категорически выступать против тех политических направлений, где мы считаем нынешнюю политику неправильной или очень опасной. Я имею в виду нежелание проводить военную реформу, попытку ремилитаризации общества, внешнеполитическую имперскую риторику, массированное использование силы внутри страны и т. д.

Наши оппоненты

Коммунистам удалось в 1992 году вместе с националистами остановить движение страны по пути реформ. Если вы помните, именно коммунисты и их голоса вместе с голосами националистов привели в декабре 1992 года В.С. Черномырдина на пост премьера. Именно они тогда прервали процесс реформ. В результате Россия застряла в промежуточном положении, когда действительно дефицита уже нет, товары есть, но производство падает, инвестиции не идут, инфляция высокая, цены скачут, дифференциация доходов растет. И вот теперь, сделав первый шаг, остановив реформы в их начале, они очень хотели бы воспользоваться тем естественным недовольством населения, тем промежуточным, невыигрышным положением для того, чтобы сделать следующий шаг.

Коммунистической фракцией Думы внесен проект закона о предотвращении экономических катастроф. Посмотрим, к чему приведет изложенная там экономическая программа Коммунистической партии. Первая идея, которая там есть, – крупномасштабная денежная эмиссия. Допустим, напечатаем много денег, чтобы пополнить оборотные средства, заплатить дотации, увеличить ассигнования на оборону и т. д. Напечатали много-много денег. И куда идут эти деньги? По-моему, уже даже ребятам школьного возраста это ясно. Они уходят на инфляционные ожидания, они идут, разумеется, на валютную биржу. Валютные резервы у государства ограничены.

Для активных валютных интервенций их хватит ненадолго. После этого курс начнет скакать на тысячу, две тысячи рублей в неделю, открывая широчайшие возможности для спекуляции.

Что тогда делать? Придется реализовывать следующее положение программы коммунистов: ликвидировать валютный рынок, вводить фиксированный курс, делать рубль вновь неконвертируемым. После этого автоматически выполняется третий программный пункт: отечественный товаропроизводитель надежно защищен – больше импортные товары за деревянные неконвертируемые рубли, разумеется, никто сюда не повезет. В итоге импортные товары быстро вымываются из торговли, а они ведь сегодня все же немного сдерживают рост цен, потому что по многим товарным группам цены выше, чем мировые, все равно не получается установить.

Мы напечатали много денег, убрали конкуренцию импортных товаров, а что же происходит с ценами? Они, как следствие, резко идут вверх. Что приходится делать? Реализовывать следующий пункт из проекта того же закона: вводить верхние пределы цен, вводить и замораживать. Заморозили цены, ввели верхние пределы. Что получается? Нетрудно догадаться. Товары почему-то вдруг исчезают с прилавка. И надо снова привыкать отмечаться в очереди, рисовать на руке номер, привыкать ходить за карточками, а потом ждать, когда эти карточки отоварят, да еще и искать, где бы их отоварили. Естественно, надо вводить систему распределения продукции по всей стране. Система распределения, кстати сказать, плохо живет в условиях частной собственности. Значит, частную собственность надо немножко подвинуть.

Из предложенной коммунистами экономической программы ясно, что они не хотят восстановления целостной устойчивой коммунистической системы образца, скажем, 1937 или 1953 года. Нет. Они не хотят, скажем, национализировать всю собственность, снова восстанавливать жесткую иерархическую структуру. Но у них есть желание восстановить тот предельный беспорядок, который у нас был в 1989, 1990, 1991 годах, когда старая система уже не была целостной и как таковая не могла наладить нормальную работу, а рынок, новая система хозяйствования еще не сложились. Сегодня очень большая часть старой политической элиты оказалась вовлеченной в бизнес, и никто из них, разумеется, не захочет национализировать собственные предприятия. Но вот отобрать собственность у конкурента, вытеснить его, иметь возможность его задушить, иметь возможность льготами, квотами, субсидиями, льготными кредитами поддержать свои предприятия – вот это замечательно!

Так и видится эта идеальная схема: две руки, одна – государственная, другая – частная, из государственной – в частную. Вот малопривлекательное будущее, которое нам готовят в том случае, если мы не удержимся на пути реформ.

Против демократических сил выступают не только коммунисты. Есть силы, которые ведут открытую политику разжигания национальной розни, противопоставления людей друг другу по национальному признаку, не исключают возможности военного решения межгосударственных, межнациональных проблем (а иногда даже прямо призывают к этому). Они делают ставку на силу, на авторитаризм и тоталитаризм в политике. Все это родовые признаки фашизма, национал-социализма. И любой, выступающий с этих позиций, за каким бы названием ни скрывалось его движение или партия, на самом деле пособник фашизма (или национал-социализма, что одно и то же).

Мы никогда не ставили знак равенства между коммунистами и фашистами. Это разные политические силы, и для нас очень печально, что эти две политические силы сегодня в России сплотились и фактически выступают единым союзом. Коммунисты и фашисты, красные знамена и свастики рядом, на одних митингах и демонстрациях – это трагический парадокс истории нашей многострадальной Родины.

Коммунистическая партия, коммунистическая идея – неотделимы от нашего прошлого. Другое дело, что эта идея оказалась страшной по своим последствиям. Обманчиво- соблазнительной, но страшной. Именно она унесла миллионы жизней, именно она завела нашу страну в исторический тупик, именно она породила то экономическое устройство, которое стало основой наших сегодняшних тяжелых проблем.

Сегодня даже люди, называющие себя коммунистами, как правило, не решаются напрямую отстаивать коммунистические идеалы. Ведь, ругая свое настоящее, люди здравые вовсе не желают повторения прошлого. Поэтому те, кто называет себя сегодня коммунистами, вынуждены искать для себя опору в идеологии принципиально иной – в идеологии национальной исключительности, национального противопоставления, в идеологии по сути своей фашистской. А ведь именно борьба с этой идеологией была стержнем и содержанием Великой Отечественной войны.

Люди, победившие фашизм, спасшие мир от фашизма, защитили человечество от страшной угрозы XX века. Может быть, даже самой страшной. И мы будем делать все, что в наших силах, чтобы их жертвы оказались не напрасными и чтобы внутренний фашизм не одержал верх в нашей стране.

Первоочередные задачи

Попытаюсь кратко резюмировать самые первоочередные задачи, которые наша партия ставит перед собой.

Военная реформа. Реорганизация Вооруженных Сил, сокращение их штатной численности в 2,5 раза, изменение структуры Вооруженных Сил, вывод из них натурального хозяйства. Увеличение ассигнований на подготовку личного состава, на современное вооружение.

Нормальная, полноценная, регулируемая частная собственность на землю как основа сезонного кредитования сельского хозяйства и аграрной реформы, позволяющая реорганизовать колхозы и совхозы, выделение из колхозов и совхозов нехозяйственных, муниципальных функций в отдельное предприятие, изменение приоритета в финансовой поддержке сельского хозяйства с дотаций на стимулирование инвестиций, переработки и на помощь формированию структуры коммерческого кредитования сельского хозяйства.

Резкое сокращение государственного аппарата, ликвидация в нем тех звеньев, которые абсолютно излишни в нынешних условиях.

Целый ряд законодательных актов, надежно защищающих частную собственность. Вторая часть Гражданского кодекса. Нормальный Земельный кодекс, легализующий частную собственность на землю и рыночный оборот земли. Закон об акционерных обществах, закон об ипотеке. Все это, вместе взятое, позволит создать надежную базу экономического роста. На этой базе постепенное снижение налогового бремени, ограничение, исключение из налогов и снижение общего уровня налогообложения.

В структуре госбюджета постепенное снижение расходов на дотации, расходов на оборону, расходов на государственное управление. Постепенное увеличение расходов на социально-культурное обеспечение, здравоохранение, образование, науку и культуру. Реформа системы социальной защиты, превращение ее в адресную.

Надежды

Да, нападки на демократию сегодня действительно усилились со всех сторон. Те, кто больше всего хочет краха демократии, кто руководствуется ленинским принципом «чем хуже – тем лучше», немало сделали для того, чтобы дискредитировать саму идею демократии в России, даже само слово демократия.

Но я верю в здравый смысл своих соотечественников. Наш народ способен четко себе представить, что ждет нас при отказе от демократии. Ведь стоит нам допустить

маленькие отступления от демократических принципов управления – последуют военные авантюры, похоронки на сыновей. А там – до слез знакомая ситуация с всевластием «любимого» начальника, лучше нас знающего, как нам нужно жить, думать и говорить. Привычные старшему поколению «колбасные» электрички в Москву, талоны, многочасовые очереди.

Такая беспросветная жизнь слишком хорошо известна россиянину старше тридцати лет. Нужно только не обольщаться временным просветлением. Все это очень даже может вернуться, причем в значительно ухудшенном варианте. Ведь ресурсы, которые хоть как-то поддерживали полумертвую социалистическую экономику на искусственном дыхании, были разграблены еще до того, как демократы пришли к власти.

Сегодня мы выбираем: или продолжение пусть трудного, но уже четко просматриваемого движения к стабильному, обеспеченному и свободному обществу, или срыв в новую полосу смут, экономических бедствий и политических авантур, которые неизбежно последуют за отказом от выбранного пути.

Именно поэтому, веря в здравый смысл и природную мудрость россиян, я рассчитываю на успех нашей партии, для которой гражданские свободы были и остаются важнейшей основой общественного развития.

Предстоящие нам выборы – это испытание для России. Проиграет наша партия выборы – проиграет вся Россия. Мы все вместе и каждый в отдельности должны сознавать свою ответственность. И вместе с тем надо четко себе представлять – историческая правда за нами! Историческое будущее за нами! Нам бы только день простоять и ночь продержаться!